

АЛИСА ЛАВРОВА

ИЗМЕНА
ТАЙНЫЙ
НАСЛЕДНИК

Алиса Лаврова

Измена. Тайный наследник

«Литнет»

2023

Лаврова А.

Измена. Тайный наследник / А. Лаврова — «Литнет», 2023

— За три года ты не смогла зачать наследника. Что ж, я принял меры,
— Но я... — Не хочу ничего слышать, — Каэн делает небрежный жест, останавливая поток слов, готовых слететь с моих уст. — Выйди и закрой дверь, сквозняк, — властным голосом бросает дракон. Я чувствую только, как по щекам текут слезы. Этого не может быть, только не мой Каэн. Почему он так жесток со мной? Опускаю голову, чтобы не видеть обнаженных девиц, стоящих перед моим князем и иду к выходу, чувствуя, что если остановлюсь, больше не смогу сделать ни шага. — Анна! Я с надеждой поворачиваюсь и смотрю в его огненные глаза. — Приведи себя в порядок, сегодня старик устраивает ужин и хочет видеть всех князей с женами. Я покорно киваю и выхожу. Прикладываю руки в животу и шепчу: — Он не узнает о тебе.

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	13
6	15
7	17
8	21
9	23
10	25
11	27
12	29
13	31
14	33
15	35
16	37
17	39
18	41
19	43
20	45
21	48
22	50
23	53
24	55
25	57
26	59
27	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

1

Проснувшись, привычно трогаю постель. Холодная, Каэн, похоже, встал уже давно.

Кутаюсь в одеяло, вставать не хочется. Без моего князя мне всегда холодно, только он может согреть меня в объятиях своим драконьим теплом.

Досадливо вздыхаю. Все чаще я просыпаюсь, и рядом нет его.

Он снова не сказал мне, что уйдет рано.

Из всех сил гоню непрошенные тревожные мысли.

Мне кажется, что Каэн холоден со мной в последнее время, но я не решаюсь заговорить с ним об этом, страшась вызвать его гнев.

С тревогой вспоминаю слова жреца, он все время твердит, что только соединение истинно любящих сердец способно подарить миру нового дракона

Но разве недостаточно метки истинности? Неужели этого мало?

Едва поднявшись и не надевая обуви, я иду в молельную комнату. Полированный камень холодит мои ноги, но я знаю, что так надо. Драконий бог не любит неженки.

Едва увидев меня, жрец встает с колен и приветствует меня молчаливым поклоном.

Он одет в неизменную серую рясу, контрастирующую с его темной кожей, и лицо его, покрытое шрамами от ожогов, кажется мне сегодня особенно суровым. Впрочем, веселым он тоже никогда не бывает. Служители драконьего бога всегда носят на себе печать отстраненности от мира.

Я бы наверное тоже не очень радовалась, если бы мое тело с детства закаляли огнем.

— Здравствуйте, Виктор, — тихонько говорю я и встаю на колени перед вечно горящим изображением первого дракона.

Каждый раз после молитвы глаза мои полны слез. Но драконий бог либо не видит их, либо они недостаточно солонны для него.

— Нужно надеяться, нужно верить, дракон милостив, — сухо говорит жрец, видя мои слезы.

А что еще он может сказать?

— Дракон милостив, но, похоже, его милости я пока не заслужила, — с горечью говорю я.

— В иные времена жены ждали своего часа и десять лет, и даже более, — спокойно молвит жрец.

— Как я узнаю, что беременна? — в тысячный раз спрашиваю я его.

Он вздыхает и произносит слова, как заученную формулу.

— Ты почувствуешь дым, почувствуешь жар и огонь, ты услышишь зов своего еще не родившегося отпрыска. Ты почувствуешь силу, которая не доступна простым смертным. Ты почувствуешь сердце дракона в себе.

Я вздыхаю и встаю с колен. Сколько раз я уже слышала эти слова и сколько раз тщетно прислушивалась к себе в поисках этого самого чувства. В итоге, всегда одно лишь разочарование...

Вернувшись в спальню, наконец позволяю себе одеться. Замерзшие пальцы не слушаются и застегивание пуговиц превращается в целое испытание. Я не люблю, чтобы слуги помогали мне одеваться, как другим высокородным дамам. Когда мне помогают одеваться другие, я чувствую себя беспомощным ребенком. Я точно уверена, что драконьему богу не нравятся такие жены, и он не дарует им детей.

И в тот момент, когда я подхожу к окну, чтобы взглянуть на величественный горный пейзаж, открывающийся из моей спальни, я чувствую это.

Я смотрю на свои руки, которые только что дрожали от холода, и ощущаю, как сквозь них проходит волна внутреннего тепла.

Прикасаюсь к животу и ощущаю, словно тонкая нить ярко горящего света пронизывает все мое тело. Она постепенно расширяется и множит свои ответвления. Это происходит стремительно, как лесной пожар, заполняя все мое тело.

Я мгновенно понимаю, что это такое.

Это не может быть ничем другим.

Свершилось! Наконец-то!

У моего князя будет наследник!

2

Я чувствую, теперь я чувствую его сердце, оно бьется ровно и уверенно внутри меня, с каждой секундой наполняя мое тело горячим светом.

Теперь я понимаю, о чем говорил Виктор, это нельзя спутать ни с чем.

Выбегаю из спальни и бегу по коридорам, открывая одну дверь за другой, чтобы как можно быстрее сообщить Каэну счастливую новость.

В кабинете его нет. В столовой тоже.

— Где князь? — спрашиваю я девочку, спешащую куда-то с подносом.

Она испуганно смотрит на меня и говорит:

— Кажется, он на втором этаже, в зале аудиенций, но туда не велено входить.

Я бегу на второй этаж, едва не сбивая с ног идущих по лестнице слуг. Мне все равно, что они подумают.

— Простите, но туда нельзя, — кричит мне кто-то вслед, но я не обращаю внимания.

— Каэн! — зову я и распахиваю дверь зала для аудиенций, — ты не согласишься...

Я застываю на месте. Слова, которые я хотела сказать, застревают в горле.

Делаю несколько шагов и останавливаюсь, как подбитая птица.

Мой муж, князь Сандерс стоит ко мне спиной, а перед ним выстроены три обнаженные девицы, одну из которых он целует в губы. Взгляд мой замирает на тонких руках, одна из которых обвивает его широкую мускулистую спину, а другая погружается в его густые выющиеся волосы.

Я прикрываю рот рукой, чтобы не закричать от пронзившей меня боли.

— Анна, — раздраженно говорит Каэн, отрываясь от девицы, и поворачивается ко мне, — разве слуги не сказали тебе, что входить сюда запрещено?

— Каэн, я не понимаю. Кто они? — я пытаюсь говорить, но изо рта вырывается только сдавленный хрип.

Князь подходит ко мне, надевая халат, я мельком вижу свидетельство его возбуждения и всхлипываю.

— За три года ты не смогла зачать наследника. Что ж, я принял меры.

— Но я...

— Не хочу ничего слышать, — Каэн прикладывает палец к моим губам, останавливая поток слов, готовых слететь с моих уст.

Он стирает большим пальцем слезу с моей щеки.

— Как ты так можешь? Ведь я же твоя истинная, — сдавленно говорю я, чувствуя, как сердце мое погружается в пустоту чернее самой темной ночи. Боль, словно дикая кошка, рвет меня острыми когтями, а я только и могу, что смотреть в его горящие огненным светом глаза. Глаза дракона, которые, как я думала, горят только для меня.

— Почему ты так жесток? — говорю я тихо.

— Выйди и закрой дверь, сквозняк, не видишь, девушкам холодно, — властным голосом бросает дракон, — мы поговорим с тобой позже, Анна.

Мое тело перестает что-либо ощущать, кроме боли и пустоты, разрастающейся внутри меня, как чернильное пятно.

Этого не может быть, только не мой Каэн. Ведь он же любит меня. Если бы он не любил меня, я не могла бы зачать дракона.

Опускаю голову, чтобы не видеть обнаженных девиц, стоящих перед моим лордом и иду к выходу, чувствуя, что если остановлюсь, больше не смогу сделать ни шага.

— Анна! — окликает он меня.

Я с надеждой поворачиваюсь и смотрю в его огненные глаза.

— Приведи себя в порядок, сегодня старик устраивает ужин и хочет видеть всех лордов с женами.

— Да, мой князь, — киваю и выхожу из комнаты.

Прикладываю руки в животу и говорю шепотом, обращаясь к своему будущему сыну:

— Он не узнает о тебе.

3

Теперь моя жизнь разделена на "до" и "после". Мой дракон предал меня.

Эта мысль не укладывается в сознании. Словно стена, мощная и крепкая стена, за которой я пряталась от жестокого и безжалостного мира, теперь разрушена, и за ней воет ветер, пронизывая до самых костей мое хрупкое тело.

Стою возле двери и не могу сдержать слезы, катящиеся из глаз. В голове оглушительно громко пульсирует кровь. Я хватаюсь руками за виски и сдерживаю болезненную дрожь, волнами прокатывающуюся по телу.

Слышу низкий голос моего князя, приглушенный плотными дверьми, и следом за этим, залихватистый девичий смех. Неужели они еще смеются надо мной?

Боже, как же стыдно.

Каэн, почему же ты так жесток?

Как вся жизнь, понятная и размеренная жизнь, которая только сегодня утром была так безмятежна, может разрушиться в один момент?

Глотаю слезы и с усилием делаю шаг прочь от дверей, за которыми мой истинный развлекатель сразу с тремя девушками.

Больше всего на свете мне хочется, чтобы он распахнул сейчас двери и окликнул меня, чтобы сказал какие-то слова, которые все объяснят, все уладят, успокоят меня.

Какая глупая, абсурдная и нелепая мысль. Детское желание закрыть глаза и сделать вид, что ничего не было.

Но ведь оно было. Было и есть сейчас. В голове вспышками возникают непрошенные картины.

Девичьи руки зарываются в тяжелые волосы на голове моего князя.

Его взгляд, полный властного презрения. Впервые я видела такой взгляд моего дракона, обращенный ко мне. Даже одно воспоминание об этом хлещет меня, словно кнут, раздирающий нежную кожу, оставляя кровавые рубцы, незаживающие раны на сердце.

Я медленно ступаю по мягкому ковру, не разбирая дороги, слуги отходят подальше, едва увидев меня.

В замке столько людей, но я здесь совершенно одна. Что мне делать теперь?

Молча уйти в свою комнату и сидеть там в одиночестве, ожидая, когда придет князь, пресытившись своими девицами?

Теперь так будет всегда? Он будет развлекаться, утоляя свои потребности, а я буду покорно ждать его, прихорашиваясь для светских приемов, на которых он будет хвастаться моей красотой перед своими высокородными родственниками?

Проходя мимо галереи, бросаю взгляд на картины драконов. Здесь отец Каэна, дед Каэна, прадед, прапрадед и еще десять поколений его предков. Я вижу в их глазах то, чего не видела раньше. Насмешку, презрительно сжатые губы, словно бы готовятся сказать мне какую-то унижительную гадость. Чего я не видела раньше? Неужели он никогда не любил меня? Не могу в это поверить.

Отворачиваюсь от портретов, и чувствую, что все поколения Сандерсов смеются мне в спину.

— Наивная глупая девочка, — словно бы говорят они, — неужели ты думала, что живешь в волшебной сказке?

В комнате меня уже ожидают помощницы. Неизменные мать и дочка. Черноволосые, низенькие южанки, похожие друг на друга, как две капли воды, с той лишь разницей, что одна, старше другой, лет на двадцать.

Не спрашивая меня, они уже разложили одежду, украшения, и все, что нужно для того, чтобы приготовить меня к грядущему вечеру и беззаботно щебечут о чем-то. Должно быть, обсуждают меня.

Едва я вхожу, они замолкают, словно по команде.

— Что же вы замолчали, продолжайте, — говорю я.

— Княгиня, не обращайтесь внимания, мы о своем, вряд ли вам будет это интересно, — говорит с улыбкой старшая, как ни в чем ни бывало.

Я пытливо смотрю ей в глаза, но она смело выдерживает мой взгляд.

Кажется, они и правда ничего не знают.

Пока что не знают. Но очень скоро все здесь будут шептаться по углам, что князь изменяет жене практически у нее на глазах. А спустя еще какое-то время об этом узнают все при дворе.

Я стискиваю зубы. От одной мысли о том, как я буду себя чувствовать, зная, что все вокруг насмеются надо мной, сердце начинает болезненно ныть.

— Что-то случилось? — спрашивает Амалия, — вы очень бледны, и глаза покраснели,...

— Плохо спала, — говорю я и сажусь перед туалетным столиком, — я вся ваша, можете приступать. Князь велел поторопиться.

Пока они делают мне прическу, подкрашивают лицо и одевают, я словно бы впадаю в оцепенение, перестав чувствовать хоть что-то.

Черное отчаяние пролезает в мою душу, словно тихий безжалостный убийца, и остается там, настороженно выжидая своего часа.

— Все готово! — наконец, говорит Амалия, — полюбуйтесь.

Я смотрю в зеркало на свое отражение и не могу поверить, что выгляжу такой свежей, наполненной жизнью, такой юной красивой. Это не я. Теперь это не я. Еще вчера, глядя на себя в зеркало я могла бы поверить в реальность своего отражения. Но теперь оно кажется мне обманом.

Качаю головой, и безупречно уложенные светлые локоны отзываются на это легкое движение.

— Как же вы красивы, Княгиня, — с восхищением говорит Амалия, — князь упадет в обморок, когда вас увидит.

— Князь? — спрашиваю я, словно бы из полусна. В сердце вонзается острое жало памяти, снова воскрешая в сознании безобразную сцену.

Я нервно сглатываю.

— Оставьте меня, пожалуйста, — говорю я.

Они поспешно собирают вещи и покидают мою комнату. Становится тихо, безжизненно и пусто. Здесь только я и моя боль. По напудренной щеке стекает одинокая слеза, ярко блестя на солнце, пробивающемся в мое окно.

Когда дверь открывается, я вздрагиваю всем телом.

Повернувшись, я вижу входящего ко мне князя.

На лице его беззаботная улыбка.

— Я надеюсь, ты уже успокоилась, любовь моя? — весело спрашивает он, едва переступив порог.

4

Он уже одет в свой безупречный костюм, идеально сидящий на его мощном мускулистом теле. Густые темные волосы лоснятся здоровым блеском. На его мужественном лице прячется тень самодовольной улыбки. Он знает, что выглядит безупречно, как и положено князю Сандерсу, единственному отпрыску самой мощной линии драконов, ближе всех стоящей к подлинной императорской крови, после самого императора, конечно.

Мой князь свеж, доволен жизнью и, похоже, не испытывает ни малейшего намека на угрызение совести.

Несмотря на то, что он входит в комнату не спеша, ощущение такое, что он врывается, подобно бешеному потоку воды. Едва стоит ему появиться на пороге, он заполняет собой все доступное пустое пространство.

— Я вижу ты дуешь губки, супруга моя, — беззаботно говорит он, и подойдя к моему туалетному столику, берет меня за руку, холодя церемониальными перстнями, унизывающими его пальцы.

Я хочу отдернуть руку, но он держит крепко, не позволяя мне вырваться.

— Ты же не будешь устраивать сцен, милая? — спрашивает он низким глухим голосом, целуя мою руку. От этого голоса все внутри меня словно бы просыпается, и место оцепенения, в котором я провела это утро, постепенно занимает другое чувство. Пока я еще не знаю, что это. Я только жду, когда спящий вулкан внутри меня проснется.

Я долго не отрываю взгляда от его светящихся внутренним светом драконьих глаз и чувствую, что зарождающаяся жизнь внутри меня, мой сын, будущий наследник Кэна отзывается на этот взгляд, и по моему телу словно бы разливается солнечный свет, заполняя каждый уголок моего сердца, залечивая свежие шрамы в моей душе.

Мой нерожденные еще сын чувствует близость своего отца, если бы только Каэн знал...

— Я не понимаю, князь, почему ты так жесток, — говорю я, чувствуя, как он нависает надо мной, словно гора. То, что раньше волновало меня и заставляло трепетать от желания, теперь вынуждает меня отстраняться, пятиться назад. Я хочу исчезнуть, убежать, скрыться от его взгляда, не чують его запах, не ощущать прикосновение его пальцев к моей руке.

— Я не жесток, милая жена, я всего лишь выполняю свой долг перед моей линией. Я был уверен, что ты поймешь меня и не будешь устраивать истерик на людях.

— Прости меня, Каэн, я не понимаю, как я должна была отреагировать. Быть может, если бы ты предупредил меня, что собираешься привести в наш дом трех девок с улицы и сношаться с ними, пока я готовлюсь к вечеру в императорском дворце, я бы отреагировала как-то по-другому. Как разумная жена.

Я чувствую, что мои слова полны яда, и мне нравится это. Если бы у меня были зубы, и я могла использовать их против князя, я бы не задумывалась дважды. Сейчас он бы уже лежал на ковре, отравленный ядом и просил о пощаде.

По телу пробегают болезненные мурашки. Что это за мысли? Неужели это я думаю и говорю?

— Я не узнаю тебя, Анна, — тень легкого удивления падает на его лицо и он кривит губы, ухмылка угрожает перейти в жестокую насмешку, — ты всегда была такой покорной, такой богобоязненной, такой... правильной. Как же ты можешь говорить со своим драконом в таком тоне?

— А я не узнаю тебя Каэн, — пытаюсь ответить я.

Но он нагибается еще сильнее и касается пальцами моего подбородка, а потом поднимает мое лицо, властным жестом.

— Мне нравится этот огонь, — говорит он, — но побереги его для постели, он понадобится тебе сегодня ночью, чтобы я забрал его, милая.

В первое мгновение его слова волнуют мое сердце, отзываясь на них привычной тягой плоти, но спустя минуту в сознание врезаются картины сегодняшнего утра.

Он владеет мной, как своей собственностью. Эта мысль проносится в моей голове впервые за три года. Я для него всего лишь инструмент, такой же как все остальные.

— Зачем? — спрашиваю я, — ведь ты уже нашел тех, кто подарит тебе наследника. Выходит, тратить драгоценное семя дракона на меня нет смысла.

Он проводит пальцем по моим губам, потом наклоняется и целует в шею. От этого сердце мое начинает биться чаще. Его сильные руки притягивают меня к себе и я чувствую вкус его губ на своих губах.

— Ты всегда будешь моей истинной, — рычит он мне на ухо, — и всегда будешь делать то, что я хочу.

Я знаю, что не могу вырваться из его хватки. Но слова свободно рвутся наружу, не встречая больше препятствий.

5

— Ты целуешь меня теми же губами, которыми целовал трех своих девок. Ты приходишь ко мне, и говоришь со мной, как со своей вещью. Ты шепчешь мне на ухо слова, которые только что шептал им. То, что боги драконы даровали нам, как истинное благо, способное зародить нового дракона и дать подлинное продолжение твоей линии, ты смешиваешь с грязью, ради своей прихоти. Ты ничем не лучше простолюдинов, которые оправдывают свою похоть и испорченность, невозможностью сдержать порыв плоти. Оставь свои поцелуи для будущих матерей своих детей, Каэн. Оставь для них и свои слова, там они лягут в куда более благодатную и плодотворную почву. А сейчас убери от меня свои руки.

Я говорю все это и чувствую, что сердце мое колотится как бешеное, словно я маленький олень, который бежит от хищника, и попав в западню, решает дать отпор в безнадежной драке. Я знаю, что для Каэна мои слова это детский лепет, но сказать их для меня дело моей женской чести.

Как я и ожидаю, Каэн лишь усмехается.

— Убрать руки, говоришь? — говорит он и в голосе его звучит сплав стали и жестокой насмешки, которой я так боюсь.

Каэн не отпускает меня и подходит к окну. Невыносимо долго длится пауза. Он молчит, явно испытывая мое терпение. Молчание длится так долго, что я уже начинаю сомневаться в своих словах, что ужасает меня еще больше, чем молчание князя.

Что я делаю? Раньше я бы не посмела и одного слова сказать против его воли.

Я смотрю на его мощный силуэт воина, очерченный солнечным светом на фоне окна и мне становится страшно одиноко. Я чувствую, что свобода и уверенность, с которой я говорила эти слова, покинули меня, оставив наедине с его оглушающим молчанием.

И тут он начинает говорить, и каждое его слово метко ранит меня в самое сердце.

— Если бы ты дала мне наследника, как ты говоришь, истинного дракона, Анна, мне бы не потребовалось приглашать этих девушек. У тебя было достаточно времени, чтобы вымолить у богов наследника. Если ты не сумела это сделать, супруга моя, значит ты недостаточно старалась. Боги видят, что нет моей вины в том, что моя жена оказалась неспособной продолжить мой род. Боги так же видят и то, что я не отказался от тебя, не отправил тебя обратно, к твоему отцу и матери, чтобы они доживали закат своей жизни с осознанием того, что их дочь негодна богам. Я спасаю тебя от позора, я защищаю тебя, я великодушно принимаю твою ущербность, но вместо благодарности я получаю лишь порцию едкого яда, изрыгаемого из твоих негодных богам уст. Ты, похоже, забылась, и принимаешь мою доброту и мягкосердечие за глупость.

— Я всего лишь хотела...

— Потрудишься помолчать хотя бы минуту, когда я говорю, — отрезает он.

— Я знаю, чего ты хотела. Жить как беззаботная стрекоза, перелетающая с одного цветка на другой, набивать свою маленькую милую головку глупостями и суевериями, целыми днями напролет разговаривая с Виктором о предназначении. Но сколько бы ты ни старалась, твои усилия не приведут ни к чему, кроме разочарования. Давно пора признать это, Анна. Ты бесплодна, и я буду решать проблемы так, как должен. Когда ты познакомишься с Джессикой, Софией и Еленой, ты поймешь, что они не враги тебе. Они здесь, чтобы спасти тебя от позора. Они готовы пожертвовать своими жизнями, только бы ты предстала перед императором честной женой, угодной богам, способной принести князю наследника.

— Они не будут истинными драконами, — шепчу я, — их дети навсегда останутся полукровками, бастардами, если не по фамилии, то по сути. Твоя линия ослабнет и в будущем все приведет к упадку.

— А что ты мне предлагаешь? — вдруг взрывается он яростью, — ты не оставила мне выбора, Анна, ты завела меня в этот тупик, из которого я нашел единственный возможный выход. И это твой выбор, сделать их частью семьи, или утонуть в собственных капризах и эгоистичных требованиях, которые невозможно выполнить. Лучше слабые отпрыски, чем отсутствие их. И ты примешь и девушек и их будущих детей и будешь воспитывать этих детей, как своих собственных и любить их матерей, как своих сестер. Детство кончилось, Анна, пора принимать взрослые взвешенные решения.

— А как же любовь? — спрашиваю я, чуть не плача.

Он поворачивается ко мне, держа руки за спиной. Я едва могу видеть его лицо, из-за яркого солнца, мешающего смотреть.

— Моя любовь к тебе ярче, чем свет этого солнца, — говорит он, и к своему удивлению, я не слышу в его словах и намека на насмешку. Я потрясенно обнаруживаю, что в его словах звучит горечь.

Мне хочется встать и утешить его, извиниться перед ним, сказать, что я была неправа, загладить свою вину хоть как-то. Пообещать, что я найду общий язык с этими ...

Но потом мне в голову приходит другая мысль. Мысль которая кажется мне на первый взгляд парадоксальной. Мысль, которая переворачивает все, что он только что сказал, с ног на голову.

6

— А что, если ты делаешь это не для того, чтобы защитить меня, Каэн? — спрашиваю я и встаю рядом с мужем, заглядывая в его драконьи глаза, которые так сильно люблю по прежнему.

Он вопросительно изгибает бровь и я вижу, как он напрягается всем телом, словно хищник, готовый наброситься на жертву.

— Что, если ты делаешь это, потому что боишься, что дело вовсе не во мне, и не в том, что я негодна богам? Что если все дело в том, что богам негоден ты, мой князь?

Я вижу, что попала точно в цель. Однако в ответ на мои слова князь хмурится и презрительно бросает:

— Дракон не может быть негоден богам, он по своей сути, всегда является проводником их воли. Я тысячу раз давал тебе возможность убедиться в этом. Разве не так? Эти слова почти богохульство. Тебе стоило бы обдумать их, прежде чем произносить вслух.

Слова его звучат уверенно, именно так как и должны звучать слова могущественного дракона. Но по малейшим изменениям в его мимике и в том, как он держит руки, я понимаю, что мысль эта приходила ему в голову не раз. Как он мог поделиться этой мыслью со мной? Ведь если бы он сделал это, он бы упал в моих глазах. Как же, великий князь-дракон, и испытывает сомнения в том, что угоден богам. Нет, делиться подобными страхами мой князь точно не стал бы. И не только со мной, но и с Виктором, нашим жрецом и представителем святого культа дракона в нашем замке.

— А ты уверен, что все делаешь правильно, муж мой? — спрашиваю я его, продолжая смотреть в его глаза, — что если ты ошибаешься? Что, если привести в дом этих девушек было ошибкой, которая может разрушить все, что мы с тобой строили эти годы? Представь на мгновение, что чувствую я. Разве в сердце твое не закрадываются сомнения, когда ты ранишь самую близкую тебе душу — свою истинную?

Я чувствую, что если сейчас он ответит на мой вопрос честно, если он покажет, что его самого терзают сомнения. Если сможет переступить через свою гордость и прислушаться к своему сердцу, довериться той любви что была между нами все эти годы. Если он сможет сказать правду мне в глаза, я открою ему правду о сыне, который теперь живет у меня под сердцем.

Я чувствую, что еще есть шанс, что я смогу простить его, есть шанс, что я смогу представить, что то, что он сделал — это отчаянный шаг запутавшегося в себе человека, а не хитрая уловка, для того, чтобы устроить гарем в моем доме и заставить меня смириться с этим.

Я твердо уверена, что боги не благословили бы то, что сделал Каэн. И свидетельством их благосклонности служит наследник князя Сандерса, сердце которого я чувствую в себе.

Князь колеблется. В это мгновение мне кажется, что он осознает важность своего ответа. Я жду, что он скажет с замиранием сердца.

Как только он начинает говорить, я по его тону чувствую, что все безвозвратно потеряно. Он не переступит через себя.

— Я никогда и ни в чем не сомневаюсь, Анна. И если я принял решение — значит оно было взвешенным, обдуманным и угодным богам. В противном случае я бы просто отказался от этой идеи, — отрезает он и отходит от окна. Оставив меня наедине с солнцем, которое теперь немилосердно бьет мне в лицо, словно бы наказывая меня за мою глупую надежду.

— И ты думаешь, что я просто приму это как есть? — спрашиваю я, поворачиваясь к нему.

— А какой у тебя есть выбор, дорогая моя? — спрашивает он, — ты моя жена и моя истинная — эту связь не разорвать. Ты либо смиряешься с тем, что я делаю, либо проводишь свою жизнь в глухом одиночестве, где-нибудь в поместье своих родителей. Не думаю, что ты

выберешь для себя такой путь. Какой бы набожной ты ни была, тебе нравится бывать в свете и нравится красоваться и блистать в обществе.

— Ты так уверен?

Он подходит ко мне и берет мое лицо в свои ладони.

— Ты принадлежишь мне, Анна, — тихо говорит он и я чувствую его дыхание на своих губах, а его руки, прикасающиеся к нежной коже на моем лице, будоражат меня, — так решили боги. Но даже если бы они решили иначе и не сообразовали сделать тебя моей истинной, я бы не пожалел прожить тысячу одиноких и безрадостных жизней, чтобы только иметь шанс стать твоим истинным.

Он целует меня в губы и я чувствую, как обжигающий огонь любви проносится по всему моему телу, так же, как это происходит всегда, когда мой истинный целует меня.

Он отрывается от моих губ и говорит:

— Я люблю тебя, Анна, больше своей жизни, но я вынужден сделать тебе больно, чтобы спасти нас.

— Ты спасаешь только себя, — хочу ответить я, но понимаю, что мои слова ничего не изменят. Во взгляде князя я вижу только твердую уверенность в том, что он делает. И ответить ему я могу только молчанием. Если бы он только знал, что скрывается за ним.

— Нам пора ехать, — говорит он, и берет меня за руку.

Я покорно иду рядом с ним, но чувствую, как душа моя рвется прочь.

Тебе придется пожалеть, Каэн, но будет поздно что либо изменить.

7

Карета едет мягко, так что я едва ощущаю вибрацию колес, стучащих по мостовой. Каэн держит меня за руку, и смотрит в окно со своей стороны. Мимо проплывают иссушенные от недостатка дождей яблоневые деревья. Они словно бы рифмуют все произошедшее сегодня, напоминая об изменчивости судьбы и о разбитых надеждах.

О чем он думает сейчас? Неужели ему ничуть не жаль меня?

Да, драконы жалости не знают. И это правильно. Но я никогда не думала, что эта аксиома пройдет по моей жизни, оставляя после себя огромную трещину, которую уже не заделать, не починить, не сделать вид, что так и было.

Я так глубоко погружаюсь в собственные размышления, что вздрагиваю, когда Каэн начинает говорить.

— Старик чем-то взволнован, — голос его звучит тихо, — похоже, сегодня он собирает нас, чтобы сообщить дурные вести.

Я поворачиваюсь и смотрю на его профиль. Я знаю, что лучше всего молчать и ждать, когда он сам продолжит говорить.

Стариком Каэн зовет императора. Мне известно, что император созывает всех князей нечасто, особенно в последнее время, когда его болезнь прогрессирует с такой силой. Он боится показываться на людях, чтобы слухи о серьезности его недуга не вышли за пределы двора, но сегодня явно особенный день, когда возможные риски перевешивает необходимость.

— Что же это может быть? — не выдерживаю я.

— Не хотелось бы пугать тебя, Анна, поэтому пока что я воздержусь от предположений.

Я высвобождаю руку из руки князя. Он поворачивает лицо ко мне и смотрит мне в глаза.

В сердце, в эту минуту, заползает липкая и холодная тревога. Мне уже приходили письма от отца со смутными подозрениями и предостережениями. Он явно хотел скрыть правду, но между строк я читала все, и почти все мне было ясно. Граница снова в опасности и совсем скоро эта новость дойдет до всех, выйдя из под грифа «секретно».

— Дело в Карсте? — спрашиваю я и от моих слов какая-то мышца на лице Каэна едва заметно дергается. Он отворачивается и продолжает смотреть в окно.

— Откуда ты знаешь, что это такое? — с досадой спрашивает князь.

— Значит я угадала?

— Нет, сейчас ходят только смутные и неточные слухи. Подлинных сведений нет. Я думаю, что дело не в этом. Возможно сегодня он объявит кандидатуру наместника, на случай своей внезапной кончины.

После этих слов Каэн делает жест рукой, который сам назвал бы суеверным. Три пальца скрещиваются между собой, символизируя защиту от злых сил.

— Но что если дело в Карсте?

— Если дело в нем, то мы будем сражаться, — твердо говорит князь и я чувствую его напряжение, даже несмотря на то, что внешне он остается невозмутимым.

— Если они отбирают у нас императора и посылают напасть, значит боги недовольны нами? — тихо спрашиваю я после минутной паузы.

— Не будем торопить события и сперва узнаем, что скажет император. Боги посылают испытания, чтобы выявить лучших среди нас, — твердо говорит Каэн и в его голосе я слышу не сколько веру, сколько упрямство. Он никогда не был слишком набожным, считая, что по большей части, наше верование в богов драконов — всего лишь набор сказок и суеверий. Однако отказаться от веры полностью он был не в состоянии, вера крепко укоренилась в нем еще с детства, как это случается с каждым драконом, владеющим силой обращения.

— Ты же не веришь в это, — говорю я.

— Откуда же тебе знать, во что я верю?

Я ничего не отвечаю, предпочитая на этот раз смолчать. Тонкая нить, которая все еще связывает нас, кажется мне такой хрупкой и ненадежной, что у меня не поворачивается язык, чтобы продолжить рвать остатки доверия, которые еще сохранились между нами.

Как бы я не злилась на Каэна, я все еще рядом с ним, еду в карете во дворец к императору. И нужно провести хотя бы сегодняшний вечер, делая вид, что между нами все в порядке, хотя бы на людях. Каким бы горьким ни был привкус предательства моего мужа, я должна сделать все, что собралась, без того, чтобы вмешивать в наши личные дела других людей, или драконов. А решила я уже точно. Главное теперь выждать подходящего момента и найти разумный предлог, который позволит мне оставить Каэна наедине с его девками и не опозорить себя перед богами, унижаясь перед этими любовницами мужа и испытывая постоянный стыд в собственном доме.

Дракон, растущий внутри меня словно бы развязывает мне руки, вселяя в меня такую силу и хладнокровие, которых во мне никогда не было.

Не будь сейчас у меня под сердцем зарождающегося дракона, я бы тряслась от страха и просила Каэна сжалиться надо мной, целовала бы его руки, делала все, что должна делать честная верная жена, остающаяся верной до самого конца.

Но теперь, чувствуя чудесное тепло дракона разливающееся по моим венам, я не хочу быть покорной овечкой и наблюдать, как меня унижают.

Когда-нибудь Каэн узнает о сыне, но это будет лишь тогда, когда я посчитаю, что это выгодно мне. Я все еще люблю мужа, но я не прощу его предательство.

Я знаю, что боги не простили бы меня, если бы я предала дракона внутри себя, терпя унижение, которое придумал для меня муж.

— Я хочу, чтобы произошедшее между нами этим утром, осталось только между нами. Никто не должен знать, что происходит. Дети, которых принесут мои новые тайные жены, должны стать опорой для меня и ты должна будешь играть роль так хорошо, как только можешь. Ты поняла меня, Анна?

Слова мужа вызывают во мне бурю негодования, но я стараюсь выслушать их так, словно речь идет не обо мне и моем достоинстве, а о ком-то постороннем.

— Играть роль? — спрашиваю я, поднимая бровь, думая о своей тайне. Если бы ты только знал, что потерял истинного наследника, променяв доверие своей истинной на трех девок с улицы.

— Да, — отвечает он, — ты можешь возмущаться сколько тебе угодно, можешь даже высказывать свои возмущения лично мне, но ничто из того, что касается моих будущих наследников, не должно выйти за пределы нашего дома. Твои эмоции не должны помешать моим планам.

— Я понимаю, — отвечаю я, хотя в эту минуту, все, что мне хочется — это остановить карету и выбежать на воздух, и бежать подальше от Каэна, решившего, что я могу стать покорной куклой в его руках, раз уж я его истинная.

Тонком не терпящим возражений, объясняя мне все, словно несмышленному раскапризничавшемуся ребенку, он продолжает:

— Если император узнает, что мои наследники не истинные, он может лишит род Сандерсов голоса, а значит и влияния. Ты знаешь, как он суверен, и как для него важны все эти тонкости. Так что для всех они будут твоими детьми, а значит - истинными драконами, наследниками рода Сандерсов.

— Но что ты будешь делать, когда откроется правда и все поймут, что они слабы, и не смогут принять чешую, а значит не смогут оборачиваться? Что если все узнают, что их сила ограничится лишь способностями к магии низшего и среднего порядков?

Мне бы стоило промолчать, придержав свои сомнения при себе. Да, так бы поступила мудрая жена. Но злость и обида, которая все еще кипит во мне, не дает мне смолчать.

Я вижу, как этот вопрос заставляет Каэна злиться. Конечно же, он думал об этом, иначе и быть не могло. Но он явно предпочитает отложить решение этого вопроса на потом, а сейчас сосредоточиться на сиюминутных проблемах.

— Довольно терзать меня вопросами, Анна, — говорит Каэн, и в его властном низком голосе проявляются отзвуки стальной и непоколебимой воли дракона, я чувствую, что еще немного и ярость его может выйти из под контроля, — мне нужна твоя помощь, а не твои попытки найти слабые места в моем плане. Я не посвящал тебя в его детали и не собираюсь советоваться с тобой. Твое дело — быть покорной женой, которая слушает своего дракона. А сомнения и размышления оставь, пожалуйста, для меня. Видят боги, мой разум приспособлен для этого куда лучше.

— Как скажешь, муж мой, — говорю я и покорно склоняю голову, предпочитая уступить его воле.

Да и к чему мне заботиться о жизнеспособности его решения?

Неужели я до сих пор воспринимаю его неудачи, как свои?

Нет уж, сегодняшнее утро все переменяло. Теперь есть я, мой бог, и мой сын.

— Вот и славно, — говорит он и я чувствую, что его голос становится мягче, — ты должна помнить, что доверие и покорность — это главные качества хорошей жены. Неужели Виктор не объяснял тебе это?

В его тоне звучит легкая насмешка над моей, как он это называет «суеверностью», но я предпочитаю не обращать на это внимание. Раньше я бы начала возражать, ринулась бы доказывать мужу, что крепко усваиваю все уроки, которые преподает мне наш жрец. Но теперь я лишь сдерживаюсь, чтобы не ответить какой-нибудь колкостью, которая вовсе не будет уместной перед самым приездом к императору.

Пусть Каэн радуется, пусть думает, что жена всецело на его стороне. Пусть самодовольно улыбается и красуется перед остальными в этот вечер. Я сыграю в его игру сегодня, пока еще осталось время для игр.

Я делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь усмирить бушующую внутри меня бурю эмоций. Каэн снова берет меня за руку, когда видит, что мы подъезжаем к дворцу. На этот раз я не отдергиваю руку. Сыграть покорную жену? Что же, похоже, теперь умение играть — это для меня суровая необходимость.

У входа в роскошный императорский дворец уже стоит добрая дюжина богато украшенных карет. Гости уже собрались и, похоже, мы приехали едва ли ни последними.

Когда карета останавливается, Каэн ловко выпрыгивает из нее, обходит вокруг и подает мне руку, чтобы я могла спуститься. Я подбираю платье и осторожно спускаюсь, одновременно с этим надевая на лицо свое самое восторженное и безмятежное выражение бессловесной дурочки — способной, между тем, поддержать приятный разговор на любую тему. Одним словом, я принимаю облик идеальной жены князя, которая не думает о себе слишком много, но и не ударит лицом в грязь, если представится необходимость побеседовать с высокородными и чопорными женами других князей.

Каэн смотрит на меня внимательно, придирчиво оглядывая мой наряд. Потом приближается ко мне и шепчет на ухо, щекоча его своим дыханием:

— Ты выглядишь сегодня лучше всех, Анна, дракон внутри меня взволнован. Я уверен, что все жены князей смотрят на тебя с недоверием и опаской, ведь ты красивейшая из них.

— Спасибо, князь, — говорю я и улыбаюсь.

Мое предательское женское честолюбие заставляет принять слова Каэна за чистую монету. Несмотря на то, что я отбрасываю его лесть в сторону, мне все равно приятно слышать то, что он говорит.

Князь здоровается с остальными князьями лишь едва заметно кивая. Каждый сегодня сам по себе. До того, как появится император, разговаривать князьям между собой не положено и, разумеется, никто не посмеет нарушить это правило.

Я оглядываю всех остальных мужчин и мне приходится признать, что все князья, хоть и драконы с владением полным оборотом, не идут ни в какое сравнение с моим Каэном.

На их фоне он, со своими мощными плечами, высоким ростом и чудесно красивым мужественным лицом, выглядит, словно древний воин-полубог, сошедший со страниц летописей.

Остальные же князья-оборотни выглядят как кучка пожилых прожигателей жизни, ценящих удовольствия и личный комфорт куда больше, чем доблесть воина. Этим мой Каэн всегда отличался от них. За это я не только любила его, но и уважала куда больше, чем их всех вместе взятых.

Я всегда верила, что предназначение моего князя — быть главным среди них, и верила, что боги, рано или поздно услышат мои молитвы, дав моему мужу то, чего он так сильно желает. Сделают его первым приближенным к императору. Сделают его названным наследником дряхлеющего дракона, жена которого так и не сумела дать императору истинного наследника. И это обязательно должно было случиться, когда родится мой сын.

Но мой князь выбрал другую дорогу, дорогу неверия мне, как своей жене, способной дать ему наследника.

Зал, наконец, погружается в тишину. Князья перестают перешептываться со своими женами, и замирают в ожидании, держа своих благоверных за руки.

И тут я слышу тихое шарканье шагов по полированному мраморному полу. Эту поступь не спутать ни с чем.

Опираясь на палку, в центр зала медленно выходит глубокий старик. Со времени последней встречи с князьями он, кажется, постарел лет на десять. Впалые щеки, черные круги под глазами, сетка глубоких морщин покрывающих все его лицо. Все свидетельствует о том, что он доживает свои последние дни.

Императора придерживает за локоть его юная жена. Лилиана уже третья жена на его веку. Первая истинная, и третья по счету, не сумевшая дать ему истинного наследника.

Лилиана невероятно красива. Высокая статная девушка с длинными темными волосами, блестящими в свете тысяч светильников, как подлинная драгоценность. Взгляд ее светло-голубых глаз лениво скользит по залу, пока не останавливается на нашей паре. Она смотрит мне в глаза и я чувствую, что мне хочется отвести взгляд, настолько пронзительными и смотрящими словно бы в самую душу, кажутся мне эти глаза. Но я сдерживаюсь и отвечаю таким же долгим немигающим взглядом, вынуждая ее, в конце концов, отвернуться.

Почему она так смотрит именно на меня? И что было в ее взгляде? Вызов? Сочувствие? Пренебрежение? Ничего нельзя прочесть по этим холодным и бесконечно прекрасным глазам.

По спине моей прокатывается волна неприятных мурашек и предчувствие чего-то плохого усиливается в несколько раз.

Я чувствую, как рука князя, держащая мою, слегка напрягается. Он смотрит на императора и ждет, когда тот начнет говорить, как и все остальные, затаив дыхание.

8

— Здравствуйте, мои дорогие, приближенные, родные и близкие, — скрипучий голос старика пронзает своды древнего церемониального зала, утопая где-то вверху, среди сотен и тысяч светильников, — я собрал вас здесь сегодня не просто для того, чтобы вновь увидеть вас, хотя лицезрение ваших прекрасных светлых лиц всегда приносит мне несказанное удовольствие.

Старик вдруг начинает кашлять, и все переглядываются, ожидая, что он скажет дальше.

— Лилиана, милая моя, — говорит старик, — спасибо тебе.

Он принимает из руки своей молодой истинной платок и кашляет в него. Звук этого кашля настолько ужасен, что внутри меня все буквально съеживается и я непроизвольно начинаю произносить про себя молитву, обращенную к драконьему богу.

— Я не буду затягивать, милые мои, — продолжает он, зажав платок в дрожащей старческой руке, — вы уже, наверное, догадались, что я позвал вас не просто так, чтобы полюбоваться вашими прекрасными лицами. Хотя, без всяких сомнений, даже такой повод был бы достаточным, учитывая то, как сильно я вас всех люблю.

Император вдруг умолкает и переводит дух. Он что-то шепчет Лилиане на ухо и та отвечает ему.

— Я стар, — продолжает он, — вы можете видеть это и сами. Но несмотря на то, что внешняя оболочка для вас очевидна, внутри я все тот же дракон, каким был все эти годы. И я еще многое могу, уверен, у вас не вызывает это утверждение никаких сомнений. Я все еще могу оборачиваться в дракона, я все еще могу творить магию и разум мой все так же открыт нашему богу.

Старик воздевает руки к небу и издает утробный рык в котором, к моему удивлению, слышатся отголоски драконьего рыка. Я не знаю, способен ли старик все еще на полное перевоплощение, но частичное ему явно доступно. Я вижу, как руки его покрываются темно зеленой чешуей, а на пальцах появляются когти.

— Однако! — выкрикивает он, бессильно опуская руки, — мне осталось недолго. Совсем скоро либо смерть заберет мое человеческое тело, либо боги, драконы и человеческие, потребуют вернуть им то, что они подарили мне. Я буду вынужден перевоплотиться в дракона в последний раз и зарыться в землю, ожидая, когда бог заберет мою чешую, чтобы подарить ее кому-то другому, кому-то достойному.

от этих слов рука моего князя дергается и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Лицо его кажется сделанным из камня, настолько твердый и целеустремленный взгляд у него в эту минуту. Похоже, он был прав, и сегодня император и правда будет говорить о том, кто должен занять его место. Конечно, Каэн надеется, что наместником сделают именно его.

— Я уверен, что достойный найдется! — выкрикивает дребезжащим голосом император. И я уверен, что кровь достойного течет в жилах одного из вас!

По залу проносится едва слышный общий вздох.

— Среди вас много достойных драконов, и многие из вас имеют отпрысков, обладающих силой, которую вы подарили им благодаря тому, что соединили свои сердца и души истинными союзами. Бог был благосклонен к вам больше, чем ко мне. Я был бы раздосадован этим обстоятельством, если бы моя любовь к каждому из вас не простиралась выше небес и самых высоких горных пиков на краю земли. Но горевать не о чем. Каждая из моих жен любила меня, и каждой я дарил столько любви, сколько было в моем сердце. Однако лишь один из моих союзов был признан богом, подарив мне истинную на склоне моих лет, но бог не дал мне шанса продолжить мое потомство. Так что теперь дело за вашими отпрысками, еще не обретшими свою чешую, перешедшую к нему от ваших линий.

Старик останавливается и снова начинает кашлять. На этот раз кашель звучит еще хуже. Император сотрясается всем телом и кажется, что он вот вот рухнет на пол. Но приступ прекращается, и он, держась одной рукой за палку, а другой за плечо своей юной истинной, продолжает говорить:

— Когда придет час, одному из вас я скажу где земля укроет мое тело навеки. Когда придет час, один из вас придет и укажет вашему отпрыску, где искать императорскую чешую. Один из вас, станет отцом нового императора. Истинного императора, рожденного от истинной пары. Линия одного из вас, с того самого момента, как ваш сын найдет мою чешую и воссоединится с нею телом и душой, станет императорской.

Император замолкает и по залу проносится бормотание. Каждый князь что-то говорит своей жене. Каждый, кроме Каэна. Мой муж молчит и только не отрывая взгляда смотрит на императора.

— Первый, кто объявит о грядущем появлении наследника, станет тем, кто удостоится чести принять императорский трон и стать временным наместником, пока его отпрыск не войдет в пору совершеннолетия.

По залу теперь уже проносится явный ропот. Некоторые из двух дюжин князей даже позволяют себе что-то выкрикивать недовольными голосами.

Мой князь поворачивается ко мне и говорит мне на ухо.

— Помнишь что я говорил тебе, Анна? Не подведи меня.

— Но...

Я обрываю себя на полуслове, видя внутри глаз Каэна такую непоколебимую твердость и мощь, что мне становится страшно не только за себя, но и за всех присутствующих.

— Есть ли среди присутствующих те, кто зачал от истинного и ждет появления наследника? — спрашивает скрипучим голосом император.

— Есть, — вдруг слышу я громкий голос Каэна, — моя истинная ждет наследника!

9

Каэн

По залу проносятся удивленные возгласы. Старик трясется всем телом, ему явно тяжело сейчас даже говорить.

Однако, услышав то, что я сказал, он как будто получает новый заряд силы.

Все уже списали меня со счетов, предположив, что моя истинная бесплодна и я так и останусь последним из рода Сандерсов. Все эти напыщенные самодовольные индюки уже решили, что я так просто сдамся и приму свою судьбу.

Нет, друзья мои, Каэн возьмет свое. Сильнейший из драконов должен быть наместником, а не кто-то из этой кучки прожигающих жизнь и наследство своих отцов.

Лицо его расплывается в улыбке.

— Мальчик мой, подойди сюда, — говорит он, — и подведи ко мне свою прекрасную жену, дай посмотреть на нее поближе.

Сейчас, самый важный момент в моей жизни, я чувствую его. Дракон внутри меня трепещет и сжимается, словно пружина, замирая в ожидании. Я чувствую внутри себя столько необузданной силы, что мне кажется, если бы не мои невероятные усилия, я бы спалил к черту весь зал со всеми князьями и императором впридачу.

Здесь нет ни одного, кто был бы достоин этой чести, стать наместником, кроме меня. Все это знают, и все опускают глаза, когда мимо них идем мы с моей истинной.

Бросаю взгляд на жену. Анна так красива сегодня, что на нее больно смотреть. Я знаю, что все это видят, и знаю, что каждый завидует мне и ненавидит меня. Несмотря на маленький утренний инцидент, она вся словно бы сияет изнутри.

Даже истинная императора, молодая Лилиана, на фоне Анны кажется бледной мышью, хоть и не лишена определенных женских достоинств. Не будь у меня Анны и еще трех тайных жен, я бы, может быть, и забрал ее себе, когда старик отдаст душу богам. Хотя... Где четыре, там и пять. Почему бы и нет? К чему ограничивать себя?

Я чувствую, как рука моей истинной дрожит в моей руке. Бедняжка не привыкла к таким скоплениям народа. Анна набожная, гордая и чрезмерно щепитильная в некоторых вопросах, но именно это во многом, делает ее для меня такой привлекательной.

Как она говорила со мной сегодня. Это было что-то новенькое. В ней бушевал такой дикий огонь. Она даже посмела перечить мне, своему князю. Конечно мне следует проучить ее за дерзость. Научить ее быть более учтивой. Уж слишком мягок я с ней, слишком разбаловал, слишком люблю ее.

Но с этого дня я буду вынужден проявлять строгость. Теперь, когда от ее поведения зависит мое будущее и будущее всего нашего рода. Теперь, когда я в шаге от того, чтобы стать наместником, я не могу позволить ее глупым суевериям и девичьим прихотям, рушить мои планы.

Опускаясь на одно колено перед трясущимся стариком, я ловлю на себе пристальные взгляды Лилианы, ее льдистые голубые глаза словно бы пронзают меня насквозь. Я пытаюсь прочесть выражение, с которым она смотрит, но разгадка не дается и я отвожу глаза.

Рука старика морщинистая и страшная, кожа его тонкая и хрупкая, как пергамент. Я с отвращением прикладываю губы к его руке, следуя древнему обычаю и чувствую почти осязаемый дух тлена и скорой смерти, исходящий от императора. Иногда нужно встать на колени, чтобы вознестись выше всех остальных. Я выучил этот урок лучше других и теперь я здесь.

Я встаю, и Анна следует моему примеру, так же целуя руку старика. Он лично помогает ей подняться, берет ее лицо в свои сморщенные ладони и долго смотрит ей в глаза.

В эту минуту сердце мое замирает. Сейчас решится моя судьба. Главное, чтобы Анна играла как следует, главное, чтобы не взбрыкнула, как сегодня утром и не наговорила императору лишнего. Я знаю, что безумно рискую, но другого выбора у меня нет.

— Давно ли ты ощущаешь в себе дракона? — скрипит голос императора. Он убирает руки с лица Анны и прикасается дрожащими пальцами к животу моей истинной, пытаюсь через платье почувствовать зарождающегося в ее чреве дракона.

Конечно, никакого дракона нет. Анна, совершенно очевидно, неспособна никого зачать, иначе три года не прошли бы в тщетных попытках. Но императору знать об этом необязательно.

— Сегодня утром, — тихо говорит Анна, — я почувствовала в себе его силу. Она словно ураган пронеслась внутри меня, разнося радостную весть, безудержную, словно лесной пожар.

Какая же умница!

Я изо всех сил удерживаюсь, чтобы не захохотать от восторга.

В радостном восхищении смотрю на свою Анну. Она врет так искренне и так естественно, что не будь я совершенно уверен, что все это выдумки, сам бы купился на ее ложь.

Я бросаю взгляд на Лилиану, и впервые могу заметить тень ее эмоции. Она смотрит на Анну с завистью, это видно по тому, как напрягается ее челюсть. Ну конечно, она завидует, ведь она не смогла дать потомство императору, посрамив свой дом и оставшись, по сути без права на достойное будущее после смерти старика. Может быть и правда стоит из жалости приютить и приласкать ее после его смерти.

От одной мысли об этом внизу живота разгорается неистовый драконий огонь. Я представляю, как взял бы эту девушку с льдистыми глазами и впился губами в ее...

Нет. Об этом я подумаю позже. Еще будет время.

— Я чувствую его, — говорит старик, — чувствую дракона внутри тебя.

Я с облегчением вздыхаю. Похоже, магические нити, заблаговременно вшитые в корсет моей Анны сработали. Эти нити я напитал таким количеством силы, что хватило бы поджечь целый дом. Это было очень опасно, и это могло не сработать. За это я боялся больше всего. Мало просто пустить людям пыль в глаза, нужно еще, чтобы девушка, носящая в себе дракона, обладала и силой дракона, которую неизбежно передает зарождающийся ребенок-оборотень.

Тысячу раз хвалю себя за предусмотрительность.

Беру Анну за руку и смотрю ей в глаза.

Она плачет.

— Что же ты плачешь, дитя мое? — спрашивает император с улыбкой, — понести дракона для своего истинного — это лучшее, что может сделать набожная девушка. Тебе повезло, боги выбрали тебя, а значит ты угодна богам.

— Я плачу от радости, мой император, — тихо говорит Анна, — я очень усердно молилась каждый день, чтобы это случилось. Три долгих года я молилась и наконец, бог услышал мои молитвы.

Я хочу расцеловать жену. Если бы не ее игра, возможно, император и засомневался бы. Но она просто умница! Ввести в заблуждение самого императора, прозорливейшего из драконов, мудрейшего из когда-либо живущих правителей.

Но собой я доволен не меньше, чем женой. Обвести вокруг пальца самого императора, создав имитацию такого высокого уровня, что даже он не сумел ее разгадать — этим мне стоит гордиться.

— Вы уверены? Мне бы хотелось убедиться лично, ваше величество, если позволите... — слышу я вдруг голос, который опасался услышать. Я оборачиваюсь и вижу князя Салемса, он сделал шаг вперед и явно собирается вмешаться в то, чему суждено произойти.

Проклятье. По спине пробегают неприятные мурашки. С этим клещом могут возникнуть проблемы. Ему так просто не пустишь пыль в глаза.

10

Князь Салемс шаркающей походкой подходит к нам. В его лице пожилого, но все еще крепкого дракона, явно читается брезгливость и неприязнь, которую он испытывает ко мне и к Анне. Ну разумеется, он считает меня выскочкой, как и каждый присутствующий здесь. Они уверены, что дело тут нечисто и ни за что не отдадут трон без боя, или вернее будет сказать без кровавой и безобразной драки. Что же, я готов драться, князь Салемс. Попробуй сделать ход, старый мерзавец. Только я отлично знаю кое какие твои секреты.

Он подходит ко мне и, не говоря ни слова, отодвигает меня рукой в сторону, словно я не равный ему. Конечно, он считает, что его возраст позволяет ему вести себя так, но мы посмотрим, как он будет ползать у меня под ногами и просить позволения целовать мои сапоги. Дай только время, Салемс.

Меня передергивает от омерзения, когда этот клещ трогает живот моей истинной. Мне хочется взять его пальцы и сломать их как хворост. Дракон внутри меня ревет и требует отплатить ему за наглость прямо здесь, на глазах у всех остальных. Но я терплю. Только не при императоре.

Я смотрю на его старуху жену. У той дергается подбородок так, словно она готова расплакаться от досады. Конечно же, она считает, что ее муж достойнейший из князей. Я ловлю ее взгляд и слегка улыбаюсь.

Салемс теперь уже кладет ладонь на живот Анны и почти обнимает ее, прижимаясь к ней, как пёс. Сердце мое колотится и дракон рвется наружу, раздирая мое сознание невообразимой ревностью. Эта хрупкая, тонкая и изящная девочка, моя жена, моя истинная, вынуждена терпеть, когда ее лапает этот мерзкий старик. Она гордо смотрит вперед, держа идеальную осанку. Ни один мускул на ее прекрасном лице не дрогнет. Истинная мать будущего императора. Как же безумно я люблю мою девочку в эту минуту. Она одна против бури ненависти и зависти. Она знает, что все князья сейчас смотрят на нее с ненавистью, затаив дыхание ожидая, что Салемс объявит свой вердикт и назовет ее лгуньей.

Мне же остается только надеяться, что я напитаю нити достаточным количеством энергии, чтобы одурачить Салемса так же, как императора. Шанс призрачный, но я поставил на него свою жизнь и жизнь своей любимой. Если правда раскроется, меня лишат всего, и скорее всего захотят убить. Император, конечно же остановит их, но как только он умрет, они растерзают меня, как стервятники.

— Не тяните, Салемс, — раздраженно говорю я, чувствуя, что терпению моему пришел конец, и я больше не в силах смотреть как этот трухлявый пень лапает мою истинную.

— Очень странно, — бормочит себе под нос Салемс, — я чувствую дракона, но словно бы есть что-то еще...

— Что-то еще? — спрашивает Лилиана своим холодным безжизненным голосом и переводит взгляд с Салемса на меня.

Салемс хмурится и снова прикасается к животу Анны. Я вижу, как та начинает дрожать. Конечно ей неприятно. Ничего, девочка, потерпи, надо потерпеть, ради моего будущего сына, ради нашего общего будущего.

— Если вы чувствуете дракона, — говорит, наконец, император и вытирает испарину со лба, — то это означает только одно — будущий наследник трона определен!

Император пытался повысить голос на последнем слове, но в итоге прохрипел его, отчего по залу много раз эхом прокатилась каркающая нота.

Я могу поклясться, что слышу, как скрипят зубы Салемса. Он, наконец, отрывает руки от моей Анны, и бросает на нее брезгливый взгляд.

— Что-то не так, — говорит он, но делает шаг назад.

— Если вы имеете возражения, вы можете выразить их сейчас, уважаемый Князь, — говорю я так вежливо, как только могу, внутренне испытывая непреодолимую ярость вперемешку с затаенным ликованием. Враг отступил, но врага надо добить.

Князь делает несколько растерянных шагов в сторону, словно сбив чем-то с толку.

— Ваше слово, князь? — обращаюсь я к нему, пока он не ушел.

— Мое слово — она беременна драконом! — говорит Салемс хрипло, так что слышат не все.

— Скажите, чтобы все слышали, — прошу я, и знаю, что наживаю этим самым себе врага.

Он злобно смотрит на меня и повторяет теперь уже громко:

— Мое слово — она беременна драконом!

Тут же все князья и их жены, несмотря на запрет, начинают громко разговаривать друг с другом.

Я подхожу к жене и беру ее за руку. Чувствую, как ее тонкие пальцы дрожат в моей руке и сейчас больше всего хочу оказаться с ней наедине, утешить ее... Заставить забыть эту безобразную сцену попытки унижить ее.

— Князь Салемс, как и все они, не стоит одного твоего ногтя, — говорю ей на ухо, — ты не дала мне наследника, но ты заставила меня гордиться собой. Теперь для них и для меня ты - мать будущего императора!

11

Анна

Твердые пальцы князя Салемса впиваются мне в живот, и я чувствую нестерпимую боль, пронизывающую все мое тело. Запах исходящий от него резко бьет мне в нос, и мне приходится сделать невероятное усилие над собой, чтобы не закричать от боли и отвращения.

Что он делает? Мельком заглядываю в его глаза и вижу там холодную безразличную сталь. Его берзгливый морщинистый рот кривится в гримасе отвращения. Он надавливает пальцами еще сильнее, так что зарождающийся дракон внутри меня начинает протестовать и требовать, чтобы я оттолкнула назойливого старика прочь от себя.

— Тихо, мой маленький, — говорю я про себя, пытаюсь утихомирить бурю, бушующую у меня внутри, — нужно потерпеть. Еще немного.

— Этого не может быть, — шепчет Салемс и принюхивается ко мне, — он одурачил старика, но не одурачит меня... Ты не можешь быть беременна..

Я чувствую, как буря возмущения нарастает внутри, и когда последняя нить терпения обрывается, голос Каэна разрезает тишину своим властным голосом.

Салемс сразу же отступает. Я вижу в его глазах растерянность и бессильную злобу. Он бросает на меня взгляд полный ненависти и вымученно улыбается. В эту секунду он на мгновение показывает зубы, но это не похоже на улыбку, это похоже на угрозу. От этого оскала по всему моему телу пробегают неприятные мурашки и меня захлестывает волна страха. Я чувствую себя беззащитной и одинокой, стоя перед всеми этими людьми, которые, очевидно, ненавидят меня. Все до единого, кроме, может быть, императора и моего князя.

Мое сердце стучит так громко, что я почти не слышу то, что говорят дальше. Пользуясь моментом прикрываю глаза и пытаюсь успокоиться, чтобы не упасть в обморок перед всеми князьями. Им бы сейчас это очень понравилось, нельзя доставлять им такое удовольствие. Главное дышать, главное - взять себя в руки и не поддаваться.

Почему Каэн сделал это? Неужели он знает, что я беременна? Как он мог подвергнуть меня такому испытанию? Неужели он догадался и почувствовал? Нет. Этого не может быть. Его род не обладает такими умениями. Потому Салемс и вызвался, что его чутье куда тоньше, чем у всех остальных, тоньше, чем у самого императора. Он бы распознал ложь, не будь я в самом деле беременна.

В голове взрываются тысячи мыслей одновременно, сотни вопросов, на которые нет ответа.

— Будущий наследник трона определен, — слышу я голос старого императора.

Будущий наследник? О ком они? Неужели?..

Голова кружится и я изо всех сил пытаюсь удержаться, чтобы не упасть, вслушиваясь в слова, смысл которых ускользает от меня.

И тут я чувствую руку Каэна, касающуюся меня, кружащийся вокруг меня церемониальный зал вдруг останавливается, словно его прикосновение, надежное и твердое, служит якорем.

Возмущенный ропот десятков людей, усиленный эхом, вдруг прерывается шепотом Каэна, который слышу только я.

— Ты не дала мне наследника, но заставила гордиться собой.

Значит он все-таки не знает. Но почему он дал меня им на растерзание, если знал, что я не беременна? От тревоги и страха я снова забываю дышать, и спустя минуту жадно втягиваю воздух полной грудью.

— Магические нити в платье одурачили их, ты сделала все, как нужно, милая моя, я не забуду этого. Ты была великолепна! — шепчет он мне на ухо и целует меня в щеку, не заботясь о том, что на нас смотрят.

Нити? Он подверг меня такому риску понадеявшись на какие-то нити?

От страха у меня подкашиваются ноги и я хватаюсь за его плечо. Что если бы сегодня я не почувствовала наследника внутри себя? Салемса не удалось бы одурачить. Что они сделали бы со мной, что сделали бы с Каэном за ложь, которую он придумал?

Я смотрю в его горящие глаза и понимаю, что он рисковал осознанно. Он знал, что либо получит все, либо погибнет и утащит за собой всех.

— Мой сын будет императором, — шепчет мне на ухо Каэн, — и ты будешь считаться его матерью.

Я хочу крикнуть ему в лицо, что он обезумел. Что он не понимает, что делает, что моя жизнь висела на волоске, что я чуть не умерла от страха. Я хочу крикнуть ему в лицо, что его бастарды никогда не смогут подобрать чешую императора и сделать полный оборот. Хочу сказать, что он не сможет дурачить всех вокруг бесконечно. Как только его тайная жена родит ему сына, всем станет ясно, что магия его слаба и весь хрупкий план Каэна развалится.

Но все слова застревают у меня в горле. Я тону в горящих глазах князя не в силах произнести ни слова. Он держит меня своими мощными руками и в эту минуту я чувствую, что сознание мое мутится и все помещение заливают черными чернилами, а я сама лечу в пропасть, теряя контроль над своим телом.

— Княгине плохо, принесите воды! — слышу я громкий девичий голос, кажется это голос Лилианы, и все меркнет, скрываясь в вязкой пустоте, смешиваясь с неразборчивым гомоном десятков встревоженных голосов.

12

— Анна, — слышу я незнакомый мягкий бархатный голос и чернильная темнота вокруг меня рассредотачивается, уступая место этому голосу, — проснитесь.

Чувствую на своей щеке прикосновение холодных тонких пальцев, от которых через мгновение начинает исходить огонь, проникающий внутрь моего тела. Я ощущаю, как дракон внутри меня отзывается на этот огонь и тянется к нему, словно мотылек летит к пламени свечи. Огонь начинает разгораться все ярче, так, что мне становится страшно за себя и за малыша. Не может же это пламя вечно нарастать. Его надо остановить!

— Пожалуйста, не надо больше, — шепчу я сквозь забытие.

— Тайдел, достаточно, — на этот раз я узнаю голос — это истинная императора, Лилиана. Пальцы тут же перестают вливать в меня огонь и в эту минуту я открываю, наконец, глаза.

Надо мной, склонившись, стоит мужчина с длинными серебрянными волосами, однако лицо у его не кажется старым, на вид не больше лет тридцати пяти. А его глаза, что-то смутно знакомое я вижу в этих глазах. Какой-то знакомый лед и невыразимую глубину, уже встречавшуюся мне раньше.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает он бархатным низким голосом, который так странно сочетается с его тонкими, но вместе с тем мужественными чертами лица.

На его широких плечах белоснежная накидка с застежкой из золота. Я сразу же понимаю, кто он. Так одеваются только лекари высшего уровня, защитившие степень архимагистра в академии.

— Я в порядке, — говорю я хриплым голосом и тут же повторяю более уверенно, — все хорошо.

Мельком окинув взглядом просторную комнату, в которой нахожусь, я понимаю, что это, возможно, один из многочисленных покоев для гостей во дворце императора, где меня уложили на кровать. Помимо лекаря, в комнате я вижу Лилиану и Каэна, они стоят чуть поодаль.

Каэн, едва заметив, что я открыла глаза, стремительно бросается ко мне и берет меня за руку. Он садится на кровать и целует мои пальцы. В его глазах я вижу такую смесь тревоги и облегчения, что мне становится неловко, что я заставила его так нервничать. Сознание все еще затуманено отчасти, поэтому я не помню обиды на него, и все, что мне хочется, это как-то успокоить тревогу моего истинного.

— Что случилось? — спрашиваю я, — кажется, я потеряла сознание?

— Вы перенервничали, княгиня, — говорит Тайдел, ничуть не смутившись тем, что Каэн буквально чуть не отпихнул его, забыв о правилах хорошего тона, — в вашем положении неудивительно, что вы не справились с навалившимися на вас впечатлениями.

В его голосе звучит мягкое участие, в котором мне так и хочется раствориться. Хочется, чтобы он никогда не переставал говорить.

Я закрываю глаза, усилием воли разгоняя остатки черноты, все еще таящейся на краю поля зрения.

— Со мной никогда такого не было, — говорю я, — как будто черные облака у меня в голове. Очень странно...

— Хм, облака? Это интересно, — говорит Тайдел и я чувствую, что в голосе его появляется неподдельный интерес, — вы не могли бы описать их?

— Вы не видите, что она устала? — спрашивает лекаря Каэн, продолжая держать меня за руку, — я чувствую, что он еле сдерживается, чтобы не нахамить ни в чем не повинному Тайделу и хочу остановить его, но Тайдел опережает меня, миролюбиво выставив руки вперед, подкрепляя этот жест обезаруживающей своей искренностью улыбкой.

— Простите моего брата, — встречается Лилиана, — порой его интерес к медицине затмевает его разум, и он может быть чересчур навязчив.

Я слышу в ее голосе и упрек, и легкое возмущение, но больше всего в нем любви и тепла. Сердце от этого почему-то предательски сжимается, словно упрекая меня в том, что я всегда росла одна, не имея счастья иметь родных братьев и сестер.

Так значит этот Тайдел брат Лилианы. Я слышала, что ее брат лекарь, но не знала, что он уже архимагистр. Интересно, почему он здесь?

Выражение лица Каэна с озлобленного меняется на просто упрямое — это хороший знак. Я накрываю его руку своей и говорю миролюбиво:

— Если ты позволишь, я поговорю об этом с Тайделом, когда мне станет получше.

Каэн хмурится и кивает.

— Значит это не простой обморок? — спрашивает он.

— Скорее всего, волноваться не о чем, — говорит лекарь, — но не мешало бы поговорить об этом более подробно, когда Анна наберется сил, чтобы быть уверенными.

— Хорошо, — говорит, наконец, Каэн, сжимая мою руку чуть сильнее, чем мне бы хотелось, — я рад буду видеть вас у нас в гостях в ближайшие дни. Мой дом — ваш дом, после того, как вы помогли моей жене сегодня.

Взгляды их встречаются и я не могу понять, что выражает взгляд Тайдела. Видимо, это их наследственная черта, сдерживать свои подлинные эмоции, демонстрируя только то, что они хотят показывать.

— Пустяки, я всего лишь выполнял свой врачебный долг. Но от приглашения не откажусь, — говорит Тайдел, — слышал, что замок Сандерсов — один из прекраснейших в империи, но не имел чести побывать в нем. Говорят, что вид на горы, который открывается с верхних уровней — это нечто невероятное.

— Да, архимагистр, сочту за честь все вам показать, — учтиво говорит Каэн, но я распознаю в его голосе то, чего могу чувствовать только я — затаенную враждебность в отношении Тайдела, — так что жду вас, когда вам будет удобно.

Тайдел Кивает и больше не говоря ни слова, увлекает за собой Лилиану, и выходит из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

От меня не укрывается странный взгляд, который он бросает мне в глаза, перед тем, как выйти, потому что в этом взгляде я, наконец могу что-то прочесть, и это отчетливая тревога.

13

— Сомневаюсь я, что этот юнец может быть подлинным архимагистром, — говорит Каэн, когда дверь закрывается, — наверняка сестричка позаботилась, чтобы его продвинули на самый верх без должного для этого уровня испытания.

Я сажусь на кровати и пытаюсь окончательно прийти в себя.

— Тебе он не нравится, — говорю я, — но мне кажется, что ты предвзята. То, что он брат истинной императора, еще не значит, что он обязательно некомпетентен.

— А я вижу тебе он запал в душу, милая, — в глазах Каэна плещется вызывающий огонь.

Я тут же спохватываюсь, понимая, что спорить с Каэном сейчас лучше не стоит. Не хватало еще, чтобы он разнес покои в императорском дворце. Его нервы, похоже, натянуты, как струны и лучше бы мне помолчать.

— Я просто сказала, что лучше бы не судить раньше времени...

— Я и так понял, что ты сказала, Анна.

— Ладно, — смягчается Каэн и начинает задумчиво мерить шагами комнату, — мы сейчас должны быть крайне осторожны, Анна, игра, которую мы затеяли требует огромного терпения и выдержки от нас всех.

Я хочу сказать «игра, которую ты затеял», но держу язык за зубами. Я решаю, что не буду спорить с Каэном, что бы он ни сказал. Он должен ощущать себя так, словно во мне ничто не изменилось, хотя видят боги, с тех пор, как внутри меня поселился маленький дракон, у меня словно бы появились собственные крылья. Если раньше я во всем соглашалась с Каэном и верила в то, что каждое его слово и каждое его действие это закон, то теперь все переменилось. И он не должен заметить этого. Это только моя тайна.

Я осторожно кладу руку на живот и представляю себе малыша, который внутри. Это мгновенно успокаивает меня, вселяя в сердце такое тепло и любовь, что мне становится все равно на то, что происходит вокруг. Нервно вышагивающий по комнате Каэн уже не заботит меня, сейчас я мыслями только с моим сыном.

Пусть Каэн делает, что хочет, пока мой нерожденный еще сын со мной, я знаю, что справлюсь с чем угодно.

— Ты невероятно хорошо все сделала, — выводит меня из раздумий Каэн, — лучшего и желать было нельзя.

— Это было опасно, — не удерживаюсь я, глядя истинному в глаза.

— Риск был оправдан, — беспечно говорит он и поправляет локон у меня в прическе.

— Знаешь, ты сделала все так хорошо, что в какой-то момент я даже сам тебе поверил. А этот обморок... Это просто гениально, надо отдать тебе должное, ты очень ловко отделалась от этих назойливых князей. Я бы не придумал лучше.

— Только вот я не притворялась, Каэн, — говорю я.

— Правда? — дракон хмурится и проводит пальцем по своему виску, — значит это была не игра?

Он садится рядом со мной, участливо берет меня за руку и целует ее.

— Знаешь, милая, я порой забываю, что ты всего лишь человек. Я так привык к тому, что ты все понимаешь с полуслова, привык к тому, что ты всегда рядом со мной, привык, что делаешь все, что я говорю, ровно так, как нужно и это, признаться, меня расслабило. Я хочу, чтобы ты знала, как сильно я ценю тебя и как важно мне сохранять с тобой ту связь, что между нами есть, не только связь истинности, но и более глубокую связь, которая установилась между нами за эти годы, что мы вместе. Не проходит и дня, чтобы я не благодарил бога, что он подарил мне тебя.

Каэн говорит тихо и вкрадчиво, так что я постепенно растворяюсь в его низком голосе, как в объятиях.

Конечно, он знает, как заставить мое сердце таять.

— Я хочу, чтобы ты знала, случится может все, что угодно, но неизменно лишь одно — моя вечная любовь к тебе, Анна. Я ни секунды не пожалел о том, что связан с тобой узами. Каждый раз, когда ты рядом, даже спустя эти годы, что мы вместе, я чувствую то же самое, что почувствовал в первый день нашей встречи. Ты помнишь, как это было?

— Конечно я помню, — шепчу я, чувствуя, как метка разгорается нестерпимым огнем, выдергивая из моего сознания и моей памяти все, кроме того первого дня.

Он приближается ко мне и нежно целует меня в губы, и я, как загипнотизированная, отвечаю на его поцелуй, не в силах сопротивляться. Он за какие-то секунды сносит все мои барьеры, что я так самонадеянно выстроила против его натиска, и вот я уже прижимаюсь к нему всем телом, желая, чтобы он взял меня прямо здесь, напрочь забывая обо всем, что было. Видя перед собой только его сверкающий образ, неуклонно манящий меня, как мотылька на убийственный свет свечи.

14

— Я так тебя люблю, Анна, — рычит Каэн мне в ухо и я не в силах сопротивляться его натиску.

— Я тоже люблю тебя, мой истинный, — шепчу я, чувствуя, как метка горит ярким огнем, разжигая яростное пламя страсти. В объятиях моего князя я ощущаю себя так, словно моей воли больше не существует и есть только его воля и его желания дракона.

Он целует мою шею и по всему телу расходятся невообразимо приятные мурашки. Я хочу чтобы он продолжал, чтобы не останавливался, чтобы взял меня прямо здесь...

Я зарываюсь пальцами в его густые выющиеся волосы и сгораю от любви к своему князю, моему истинному.

Вдруг что-то начинает маячить на краю сознания.

Я боюсь прикоснуться к этому, ведь уже знаю, что увижу. Я сжимаюсь внутренне, наконец осознавая, что все это было не сном.

Туман в голове рассеивается и я отчетливо вспоминаю чужие пальцы которые так же, как мои сейчас, зарывались в волосы моего Каэна.

Я вижу перед глазами тонкие руки, обвивающие шею моего мужа, слышу залиvistый девичий смех.

Нет, нет, ну почему это не может быть дурным сном, как мне казалось минуту назад?

Я пытаюсь отогнать от себя картины сегодняшнего утра, но они только ярче встают перед моим внутренним взором, застилая даже невообразимо яростный зов метки, требующий отдаться моему истинному.

Он унизил меня. Он предал меня. Только теперь я вспоминаю, что было сегодня утром во всех деталях. То, что вытеснил на время обморок и этот странный черный туман, теперь снова ожило внутри меня, впиваясь в сердце, смертельно болезненным жалом обиды.

— Мне больно, — говорю я, наконец, когда через силу заставляю себя сделать полный вдох.

— Разве я не нежен с тобой, моя девочка? — спрашивает князь, не прекращая целовать меня, спускаясь от шеи все ниже,, — я же должен отблагодарить тебя за то, как ты проявила себя сегодня, любимая. ь

— Ты причинил мне боль, Каэн, — говорю я, пытаюсь высвободиться из его объятий, но он не останавливается.

— Ты про моих девушек? — спрашивает он и заглядывает мне в глаза, — я думал мы все уладили, и ты не будешь снова донимать меня этими пустяками. Ты же знаешь, что люблю я лишь тебя одну. Так что же тебе еще надо?

— Зачем ты говоришь о любви, Каэн? — спрашиваю я, и пользуясь тем, что он остановился, высвобождаюсь из его объятий, мягко отстраняя его крепкие руки, — ты сделал все, чтобы убить любовь и продолжаешь это делать...

Я пытаюсь не плакать, но говоря эти слова, я уже чувствую, как по щекам катятся слезы. Каэн приближается ко мне и целует мои щеки и губы. Поцелуйи его такие нежные, что от этого я мне хочется плакать еще больше.

Почему он так поступил?

— Ты поймешь, что я все делаю правильно, — шепчет он, — однажды ты поймешь, ты смиришься и осознаешь, что все это я делаю только ради нас, ради нашего наследника, ради тебя. Ради будущего нашей империи.

От этих слов внутри словно разбивается что-то хрупкое.

— Неужели ты не чувствуешь, как мне больно? — спрашиваю я, — неужели ты такой бессердечный?

Я вижу, как выражение его лица становится непоколебимо упрямым. Он щурится и качает головой.

— Поговорим дома, Анна, здесь не время и не место, — бросает он холодно и подходит к большому зеркалу, висящему на стене.

Я хочу крикнуть ему, что я не буду больше ни о чем с ним говорить, но вместо этого только глотаю слезы, глядя, как он поправляет свой роскошный костюм. Лицо его не выражает никаких эмоций и от этого мне становится чудовищно одиноко, словно я осталась одна в целом мире.

— Приведи себя в порядок, — цедит он раздраженно, — не хочу, чтобы придворные видели тебя растрепанной. Теперь ты не просто княгиня, теперь ты для всех мать будущего императора. Это налагает на тебя большую ответственность. Так что перестань плакать, и подумай хоть о чем-нибудь, кроме себя и своей драгоценной обиды.

Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза.

Нет, я не одна. Со мной здесь мой будущий сын. Я чувствую, как его тепло согревает меня, ощущаю на кончиках пальцев жар и вдруг незаметно для себя успокаиваюсь. Эмоции, которые разрывали меня на части минуту назад, теперь становятся мягче и уже не разрушают меня изнутри.

Я делаю еще несколько глубоких вдохов и встаю рядом с князем. Я застегиваю пуговицу на его комзоле и разглаживаю воротник сорочки, как и положено хорошей жене.

Смотрю в его драконьи глаза, в которых нет и намека на сожаление, он смотрит на меня не мигая, испытывая мой взгляд.

— Так-то лучше, — говорит он и поправляет выбившиеся из прически локоны, — не позорь меня на людях, Анна. Делай то, что я говорю тебе и поймешь, что так надо. Я знаю, ты умная, ты сильная

— Да, Каэн, — говорю я, чувствуя тепло зарождающейся в моем животе жизни. Если бы не оно, я бы не справилась. Если бы не это тепло, я бы наверное умерла сегодня.

— Так-то лучше, — говорит Каэн и в голосе его звучат мягкие ноты, — сейчас нужно думать только о будущем императоре, которого ты воспитаешь.

— Да, ты прав, муж мой, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал живо и непринужденно.

Я смогу пройти через это. Я сыграю роль верной жены. И я сделаю все, чтобы мой сын и правда стал императором. Вот только кем будет при нем Каэн, большой вопрос...

15

Утреннее солнце, как обычно, бьет мне в глаза и я просыпаюсь, радуясь ласковым и теплым лучам. Не открывая глаз, я первые мгновения пытаюсь удержать в памяти ускользающий сон. Мне снилось что-то хорошее, что-то связанное с Каэном и моим ребенком. Я была так счастлива, все казалось таким безмятежным и обещающим бесконечно счастливую жизнь впереди.

— Каэн, — шепчу я и трогаю рукой постель. Но его нет рядом. Открываю глаза и понимаю, что снова в спальне одна.

И тут воспоминания обо всем вчерашнем дне обрушиваются на меня, как бешеная горная лавина, несущаяся со склона, безжалостно и убийственно.

Я дергаюсь всем телом и слышу свой собственный стон отчаянного сожаления.

— Нет, нет, пожалуйста, пусть это будет неправдой.

Как бы мне хотелось вернуть сейчас тот сон, где все было так безмятежно, где было столько счастья. Но чем больше я пытаюсь это сделать, тем быстрее последние обрывки счастливого сна обесцвечиваются и исчезают из моей памяти не оставляя ничего, кроме привкуса горечи и сожаления о том, что это только сон.

Я тянусь к жизни, зарождающейся внутри меня и с облегчением обнаруживаю, что хотя бы мой будущий сын все еще со мной. Я возношу глаза к небу и шепчу краткую благодарственную молитву богу дракону.

Нужно быть благодарной. У меня есть сын, и он меня не оставит. Нужно быть сильной, ради него.

Ставлю ноги на каменный пол, и чувствую привычный холод, который теперь не пробирает меня до костей, благодаря теплу, что дарит мне мой будущий сын.

Я прохожу в молельную комнату, привычно считая шаги, этот ритуал я исполняю каждый день уже три года и пальцы на моих ногах знают каждую шероховатость каменных плит пола. Я могла бы пройти здесь с закрытыми глазами, если бы было нужно.

— Здравствуйте, Виктор, — говорю я, войдя в молельную комнату и застываю на пороге.

Три девушки, тайные жены моего князя, стоят перед алтарем, сложив руки.

Виктор бросает взгляд на меня. И несмотря на то, что обычно его глаза не выражают никаких эмоций, сейчас мне кажется, что я вижу в них жалость. Он поджимает губы и делает приглашающий жест, предлагая мне присоединиться к ним.

Волна возмущения, и негодования проносится внутри меня и я хочу выбежать из молельной комнаты тут же, лишь бы держаться подальше от этих девок, но понимаю, что это ребячество.

— Теперь девушки будут молиться с нами, — тихо говорит Виктор, — если вы разделите с ними молитву, они смогут лучше послужить богу.

Я чувствую, как дрожат мои руки и подкашиваются ноги, но стараюсь сделать как можно более непроницаемый вид. Еще не хватало показать перед этими девками свои подлинные эмоции. Ярость и огонь в моем сердце так сильны в эту минуту, что мне кажется, я могу спалить здесь все, если только пожелаю. Но конечно, это только иллюзия.

Что же, Каэн, ты решил еще раз меня унижить? Но я сохранию достоинство, как и подобает истинной княгине, каких бы еще унижений ты не придумал для меня.

— Если так сказал князь, — говорю я Виктору и встаю рядом с девушками.

Они не открывают глаз и смиренно молятся, шепча про себя слова. Молятся точно так же, как я молилась все эти годы.

Я смотрю на их лица, пытаюсь видеть в них просто девушек, ни в чем не повинных глупых и наивных девушек, которых князь заставил служить себе силой. Когда они молятся, лица их

кажутся такими чистыми и наивными, что я почти верю в свою собственную историю. Но тут в память закрадывается вчерашнее утро и их развратный и презрительный смех, отчего хрупкая защита, которую я для себя выстроила, чтобы не ненавидеть их, сразу же рушится.

Нет, они не такие невинные овечки, какими хотят казаться.

Я отворачиваюсь и заставляю себя перестать думать о них, перестать слышать их шепот. Заставляю себя сосредоточиться на молитве.

Сегодняшняя молитва оканчивается без слез, впервые за три года.

— Пожалуйста, оставьте нас с Виктором, — говорю я, еле сдерживая ненависть в голосе.

— Но князь сказал, что вы должны... — говорит одна из девушек.

— Я вам ничего не должна! Убирайтесь отсюда, — говорю я, — чего бы ни наговорил вам князь, мы не будем с вами подружками, я не буду молиться с вами у одного образа, и вы навсегда останетесь для меня его девками.

Я вижу как у одной из них из глаз брызгают слезы. Она вытирает их ладонью и выбегает из комнаты. Остальные растерянно смотрят на Виктора. Он кивает и они уходят вслед за своей подругой.

Когда их шаги стихают, я еще несколько минут пытаюсь успокоить сердце, а потом начинаю говорить.

— Как вы можете поддерживать это? — спрашиваю я, уже осознав, что Каэн наверняка посвятил жреца в свой хрупкий план.

— У меня нет выбора, — сухо говорит жрец.

— Выбор есть всегда, и у вас его куда больше, чем у меня.

— Вы ошибаетесь, княгиня. Я служу князю, так же, как служу драконьему богу, это единственный выбор, который я совершил в своей жизни и не отступлю от него никогда.

— И ты будешь вознагражден за это, когда все будет кончено, — вдруг слышу я раздраженный голос Каэна, заставляющий меня вздрогнуть.

Он проходит в комнату, держа за руку ту самую девушку, которая заплакала от моих слов.

— Ты должна извиниться перед Софией, Анна, будущая мать твоего ребенка не заслужила твоих оскорблений, она заслужила только любовь и участие, — говорит Каэн, подводя заплаканную девчонку ко мне.

16

— Будущая мать моего ребенка? — спрашиваю я тихим голосом и поднимаю глаза на Каэна.

Его лицо исключительно сурово в эту минуту и выражает только твердую уверенность. Он отвечает на мой взгляд своим немигающим взглядом, в его глазах с вертикальным зрачком плещется яростный огонь, готовый выплеснуться наружу, стоит мне только сказать хоть одно слово поперек его драконьей воле.

Я вижу, как лицо Софии искажает гримаса боли.

— Князь, рука! — пищит она тоненьким голоском, и тут Каэн спохватывается, обнаружив, что слишком сильно сжал ее хрупкую ладошку. Он поднимает ее руку и нежно целует. Я вижу, как дрожат ее тонкие пальцы и от этого зрелища мне хочется отвернуться.

Однако взгляда он не переводит, ожидая, что я подчинюсь.

Я хочу оттолкнуть мужа, выбежать отсюда и бежать так далеко, как только возможно. Но я знаю, что бежать мне некуда. Я тщетно считала себя хозяйкой этого дома. Здесь все так, как захочет Каэн, все слуги будут выполнять только его волю, и если он захочет, и будет считать, что это ради моей безопасности, он запрет меня где-нибудь в одной из комнат в башне, и приставит надзирателей, и так продлится до тех пор, пока он не получит своего наследника.

Мне же нельзя этого допустить. Совсем скоро мне нужно будет бежать, потому что я не могу оставаться с Каэном, а если он узнает о том, что я ношу под сердцем его наследника, он ни за что не отпустит меня.

Нет, нужно вести себя умнее. Нужно усмирить свою ярость и подчиниться сейчас, чтобы как следует подготовиться. Но мой бог, как же это трудно.

— Ну, — хрипло говорит мой истинный и гладит по голове Софию, а потом мягко подталкивает ее ко мне навстречу, держа руку на ее спине, — пора мириться, девочки.

Я перевожу взгляд с глаз Каэна полных властного упрямства, на зареванное лицо Софии. Она совсем юная, ей явно едва исполнилось восемнадцать лет, на лице ее еще сохранилась очаровательная детская округлость, которая не портит ее, а делает только еще привлекательнее. Темно-серые глаза смотрят на меня со страхом. Похоже, ей самой не слишком нравится эта ситуация. Но если так, то зачем она сразу же побежала жаловаться Каэну на то, что ее обидели?

Я подхожу к ней поближе и чувствую, как она вся сжимается от напряжения, непроизвольно отшатываясь назад, словно боится, что я сейчас ударю ее.

— Ты боишься меня? — спрашиваю я ее.

Она растерянно смотрит то на меня, то на князя, не зная, похоже, что нужно отвечать.

— Говори, София, не бося, — подбадривает ее Каэн, — мне нужно, чтобы вы решили все разногласия, как можно быстрее. Тогда мы все будем счастливы и довольны жизнью.

— Вы злитесь на меня, — наконец, говорит девчонка дрожащим голосом, — я не знаю за что, ведь я только выполняла волю моего князя, а через него, волю нашего господина. Я готова служить и ему и вам до самой смерти. Я готова на что угодно, лишь бы исполнить его волю и послужить тем самым великому богоугодному роду Сандерса. И я бы хотела...

Девчонка осекается и Каэн подбадривает ее, нежно глядя по руке:

— Ну же, София, не стесняйся, говори, как велит тебе душа.

— Я бы хотела, чтобы мы с вами были подругами, — говорит она и несмело поднимает на меня глаза. И я мечтала бы, чтобы вы считали меня своей младшей сестрой, княгиня. Я буду молиться об этом так же сильно, как о том, чтобы господь подарил мне здорового наследника для князя.

Чистейший Ангелочек во плоти. Сама невинность и богобоязненное целомудрие. Ее пухлые губки дрожат и я даже на какое-то мгновение почти верю в ее искренность. Вот только

дракон внутри меня не верит. Он еще не понимает, что тут происходит, но происходящее уже вызывает в нем бурю негодования. Мне приходится прикладывать усилия, чтобы не выпустить наружу слова, которые уже готовы сорваться с моих уст. Слова, которые не понравятся князю и снова заставят девчонку лить лицемерные слезы.

— Я вижу, ты говоришь искренне, — наконец, заставляю себя сказать слова, которые говорить вовсе не хочу, — мне очень приятно, что ты так привержена нашему богу.

Я подхожу к Софии еще на шаг и целую ее в щеку. Мельком бросаю взгляд на Кана и вижу на его лице довольную улыбку.

— Прости, что была груба с тобой, — говорю я и чувствую, как внутри меня разгорается яростный пожар протестующего из всех сил дракона.

Тихо, мой мальчик, так нужно. Ради тебя, ради нас, это всего лишь слова, они ничего не значат.

— Вот и славно, — говорит Каэн уже совсем другим голосом. Голосом, в котором море тепла и удовольствия, — я уверен, что пройдет совсем немного времени и вы не сможете представлять свою жизнь друг без друга, ведь между вами так много общего.

— Да, муж мой, — говорю я смиренно и опускаю глаза в пол, изображая кроткую жену.

Он подходит ко мне и я чувствую, как меня захватывает привычное волнение от близости истинного. От его тела исходит жар. Он поднимает мое лицо, держа пальцы на подбородке и нежно целует меня, обнимая за талию и прижимая к себе, заключая в мощных объятиях.

Я не в силах противиться, чувствуя, как огонь перетекает яростной волной между нашими метками истинности. Все мысли тут же сметает волной чистого ослепительного чувства единения, которое не в силах преодолеть ни одна посторонняя мысль. В эту секунду весь мой мир — это Каэн. Сейчас я даже не помню, что на нас смотрит София и Виктор.

Наконец, Каэн отрывается от моих губ и шепчет мне на ухо, чтобы больше никто не слышал:

— Я надеюсь, что будущая ночь сблизит вас еще сильнее.

17

Каэн

— Я надеюсь, что будущая ночь сблизит вас еще сильнее, — говорю я, чувствуя непреодолимое желание, которое нарочно гашу в себе, усмиряя дракона внутри меня, чтобы выплеснуть все сегодня ночью, на двух моих жен, одну истинную, и одну тайную. Я выбрал Софию первой, если Анна сблизится с ней, смирится с тем, что теперь ее жизнь неразделима с этой девушкой, то она смирится и с остальными двумя.

Могу поклясться, что вижу едва заметные отблески драконьего огня в глазах моей истинной, принимая, очевидно, отблеск моих глаз за ее собственный свет. Но как же красивы в эту минуту ее глаза полные возмущения и ярости. Она размахивается, чтобы ударить меня, но я легким движением перехватываю ее ручку, не позволяя ей коснуться моего лица.

— Ты подчинишься, потому что я тебе прикажу. Если я прикажу, ты будешь любить ее, как родную сестру. Если я прикажу, ты будешь умолять, чтобы она поделила с нами постель, потому что я — все для тебя, после нашего бога, — говорю я так же тихо, но с твердостью в голосе, которая всегда смиряет Анну, сколько бы негодования она не испытывала. Я ее муж и она будет принимать все, что я велю. Такова моя суть.

— Ты чудовище, — шепчет она едва слышно, так что только мой острый слух дракона может расслышать.

— Я дракон и твой муж. Я твой князь и ты не смеешь не доверять моему решению.

К моему удивлению, она не плачет. Только пристально смотрит на меня. Я пытаюсь прочитать о чем она сейчас думает, но впервые в жизни мне кажется, что я не вполне могу читать ее мысли.

Какой абсурд, она всегда была для меня, как открытая книга. Каждая ее мысль и каждый порыв ее души был понятен и очевиден для меня.

Что же случилось теперь? Что это за огонь, плещущийся в ее глазах. Неужели в ней проснулась самовольная гордость?

Да с чего вдруг? Девочка возомнила о себе лишнего? Нужно поговорить с Виктором, чтобы выбил из нее эту дурь.

Хотя... Есть в этом огне что-то пробуждающее во мне желание такой силы, о которой я даже раньше не догадывался.

— Ты должна помнить свое место, — говорю я ей, и отпускаю ее руку, — твое место возле моих ног, Анна, так велел бог. Я решаю, а ты делаешь. Или, быть может, ты хочешь, чтобы нас уничтожили? Если наследником сделают любого из отпрысков любого другого князя, нам конец. Они завидуют нам, хотят занять наше место, и всегда ненавидели нас за то, что император выделял меня среди всех, чаще других.

— Поэтому нужно устраивать гарем и втягивать меня в свои развратные игры? — спрашивает Анна с такой яростью, которой я в ней никогда не видел.

Я перевожу взгляд с Анны на Виктора, который стоит поодаль и опустив голову тихо молится. Его обожженная кожа на голове неприятно блестит в свете церемониальных огней перед алтарем.

— Виктор, — говорю я ему, — поговори с Анной, видит бог, я сделал все, что мог. Объясни ей, что сблизиться с Софией и другими девушками ей придется. Объясни, что этого хочет бог.

Виктор поднимает голову и смотрит мне в глаза. Его веки, лишённые ресниц, дрожат, а брови были бы нахмурены, если бы на месте бровей у жреца не было бы шрамов от ожогов.

— Да, мой князь, я поговорю с Анной.

— Вот и хорошо, — бросаю я, выходя из молельной комнаты, снова оставляя Виктора и Анну наедине.

София тихо идет рядом со мной, опустив свою хорошенькую головку.

— Не обижайся на нее, милая моя, — говорю я Софии, — она полюбит тебя, она поймет, на какую жертву ты идешь ради нас. У нее мягкая и добрая душа, но сейчас в ней говорит ревность и ярость.

— Я не знаю, как мне быть с ней, мне кажется она всегда будет меня ненавидеть, — лепечет София, и облизывает свои потрескавшиеся пухлые губки.

— Доверься моему слову, — говорю я, напуская на себя суровый вид, чтобы немного взбодрить девочку, — или ты считаешь, что моего слова недостаточно, чтобы моя жена сделала все, что нужно?

— Нет, нет, что вы, князь, — со страхом говорит София и прикрывает рот ладошкой, как будто сама боится того, что нечаянно может сказать.

Я захожу в столовую вместе с Софией.

На столе меня уже ждет завтрак.

При виде сочащегося мясным соком стейка, от которого еще идет пар, рот наполняется слюной.

Я разрезаю сочащееся мясо и отправляю ароматный кусок в рот, чувствуя невероятное наслаждение и даже на мгновение прикрываю глаза от удовольствия.

Да, это именно то, что мне сейчас нужно. Ночь, наполненная страстью, пробуждение от ласк Софии и сочное мясо на завтрак. Если бы только не этот неприятный разговор с непокорной Анной, ночь и утро можно было бы считать идеальными. Ну ничего, Виктор поговорит с ней. Он сделает все, чтобы убедить ее быть более смиренной. Зря что ли я плачу такие огромные взносы его ордену всесожжения? Он прекрасно знает, что если будет перечить мне, все, чего добьется, это высылки обратно в монастырь, а на его замену епископы пришлют кого-нибудь поговорчивее.

Всеблагий дракон, какое же сочное мясо.

— Князь, — вдруг слышу я робкий голос распорядителя, склонившегося надо мной сбоку.

Приходится оторваться от наслаждения стейком.

— Чего тебе?

— Простите, что нарушаю ваш завтрак, но прибыл важный визитер от императора.

— Ну кого еще принесло в самый неподходящий момент? — Спрашиваю я раздраженно.

— Архимагистр Тайдел, милорд. Он говорит, что дело не терпит отлагательства.

Значит прискакал-таки, раздери его пекло, братец Лилианы.

Настроение сразу же портится.

Да что ему надо?

— Зови его сюда, — резко приказываю распорядителю, — не хватало еще нарушать завтрак из-за него. И принесите еще приборы для гостя. А тебе, София, лучше не попадаться на глаза посторонним, так что оставь меня.

Что же ему надо? Неужели явился разнюхивать по приказу своей сестрички? А что если он может распознать отсутствие наследника у моей истинной?

Нет, этому юнцу на вид не больше двадцати, ранг архимагистра ему явно назначили только благодаря родству с императорской истинной.

Хотя, нужно бы перестраховаться.

Я быстро подзываю слугу и отдаю несколько приказаний.

18

Анна

Слышу удаляющиеся шаги Каэна и его девки. Сердце колотится как бешеное, подгоняемое яростью дракона внутри меня. Церемониальные факелы потрескивают, распространяя сильный запах жженой смолы. Я вдыхаю этот запах полной грудью и возношу молитву к богу-дракону. В ней нет слов, лишь просьба избавить меня от этой муки, сделать так, чтобы мне не приходилось терпеть эти унижения, конца которым, похоже, не будет.

Я встаю на колени, не обращая внимания на холод твердого камня.

За что мне это все? Неужели я не была истово верующей в дракона все эти годы? Неужели не посвятила всю свою жизнь служению? Неужели была плохой женой? Или бог хочет, чтобы я сказала Каэну правду и поэтому испытывает меня такими страшными пытками?

Как моя жизнь могла превратиться в ад так стремительно? Дай мне хоть какой-нибудь знак...

— Вы не виноваты, Анна, — слышу я голос Виктора.

Я вздрагиваю от неожиданности. Я была в такой ярости. Боль обрушилась на меня таким потоком, что я и забыла, что здесь сейчас не одна.

— Бог не любит меня, — говорю я, вытирая слезы.

— Вы ошибаетесь, — тихо говорит Виктор, вставая на колени рядом со мной.

Я вижу его обожженные красные руки, лишенные ногтей. Мне страшно смотреть на них и я отворачиваюсь.

— Бог справедлив и милостив, — тихо говорит Виктор, — и тем сильнее испытание, чем больше он любит.

— Это не испытание, — говорю я, — это убийственная пытка. Я думала он любит меня, я думала, что хоть что-то знаю об этом мире. Я думала, если буду служить своему князю и богу, то все будет как надо, все будет хорошо и правильно.

— Терпение — это наивысшая благодетель, — говорит жрец и подносит руку к огню на алтаре.

Я вижу, как его пальцы, полностью покрытые шрамами от ожогов, охватывают языки пламени.

— Посмотрите на это, — говорит он спокойным голосом, в котором не слышно и намек на ту боль, которую он, должно быть, сейчас испытывает.

— Не надо, пожалуйста, — прошу я его, но он не отрывает руки от огня. Я вижу, как его пальцы начинают дымиться.

— Это любовь бога, — говорит он, — это его благословение для меня.

— Неужели вам не больно?

— Конечно больно, — говорит он, — больно, так же как и вам, если я могу вообразить вашу боль, ваше отчаяние и то чувство предательства, которое вы испытали.

— Виктор, прошу, хватит, — чуть не плачу я.

— Вы верите мне? — спрашивает он, — верите, что бог-дракон любит вас так же, как и меня?

— Да, да! — Поспешно говорю я, и он, наконец, убирает руку от огня.

— Зачем вы это сделали?

— Это пустяки, — говорит он, — мне это только на пользу. Если это поможет вам понять лучше, я готов сделать это со второй рукой.

— Нет, нет, пожалуйста, не надо, — чуть не плачу я.

— Я не могу сказать слова против князя, — говорит Виктор, заматывая обожженную руку в тряпицу, — но я хочу, чтобы вы знали, что я всегда буду служить вам, потому что я не видел никого, кого бог-дракон любил бы больше, чем вас.

Голос Виктора звучит спокойно и размеренно, словно он читает молитву.

— Почему вы так думаете? — Спрашиваю я, заглядывая в его глаза лишенные ресниц. Вместо ответа он задерживает на мне долгий взгляд и едва заметно кивает.

И в это мгновение я понимаю, что он знает, что я беременна будущим наследником Каэна. По спине моей пробегают мурашки.

Он знает и он не сказал ему.

— Бог говорит через вас, Анна, и он говорит с вами, через чудо, которое посылает только избранным из людей.

— Значит вы...

— Не нужно ничего говорить, — перебивает меня он.

— Но почему вы не сказали ему? — Все равно спрашиваю я.

— Потому что вы не сказали, — едва слышно отвечает он. Я не могу видеть будущее. Все, что у меня есть — это вера. И я верю вашему решению.

— Спасибо, — говорю я, — впервые за последние дни чувствуя, что я не одна, что у меня есть союзник. Он не станет помогать мне, потому что не может нарушить клятву, данную Каэну, но он и не станет мешать. С сердца в эту минуту, словно бы сваливается огромный груз, который я могу разделить с другим человеком.

Я с благодарностью смотрю на Виктора.

— Что мне делать? — Спрашиваю я, после минутного молчания.

— Вы узнаете, что нужно делать, княгиня, потому что он с вами, — говорит Виктор и встает с колен. Не говоря больше ни слова, он отходит к стене, опускает голову и погружается в молитву.

Я еще какое-то время смотрю на него, а потом тихонько встаю и ухожу к себе.

Теперь благодаря Виктору я чувствую в себе силу, которой раньше во мне не было и решимость, которой мне не хватало.

— Госпожа! — Слышу я голос одной из служанок, когда иду по коридору к себе в комнату.

Она нагоняет меня и едва дыша говорит.

— Нужно надеть вот это платье, князь приказал не мешкать. У нас гости.

— Гости? — Спрашиваю я.

— Да, сам архимагистр Тайдел решил почтить нас визитом.

При упоминании этого имени в голове возникает образ молодого целителя с серебряными волосами. Я вспоминаю, как он делился со мной силой в тот день, когда император собрал всех у себя, как разогнал черный туман, который заволок все вокруг, и по коже пробегают мурашки. Я одновременно и хочу увидеть его и почему-то испытываю трепет перед этой встречей.

19

Сегодня я отослала слуг и одеваюсь сама.

Надевая то самое платье с нитями силы, вшитыми в него, я с удивлением для себя обнаруживаю, что могу чувствовать их. Они очень похожи на те нити, что пронизывают все мое тело, наполняя меня теплом, с тех пор, как я почувствовала в себе зарождающуюся жизнь моего сына.

Похожи, но не до конца. Эти нити кажутся грубыми, они не пульсируют как те, что внутри меня, а едва заметно вибрируют. Разница небольшая, но я понимаю и чувствую ее.

Как же сильно рискует Каэн всем, полагаясь на них.

Я вспоминаю взгляд князя Салемса, полный ненависти и неверия. Он точно почувствовал и подлинные знаки присутствия наследника во мне и эти поддельные нити, вшитые в платье, распознал, но не понял, что это такое, сбитый с толку.

Сердце вдруг охватывает холод, от осознания того, на краю какой пропасти мы бы все были, если бы наследника на самом деле не было.

Эх, Каэн, что же ты делаешь... Безрассудство может погубить тебя.

Едва я успеваю надеть платье, как слышу стук в дверь.

— Госпожа, — говорит служанка, — если вы готовы, архимагистр Тайдел желает вас видеть.

— Я готова, — вздыхаю я, в последний раз глядя на себя в зеркало, чувствуя странное, не свойственное для меня волнение в эту минуту.

Я останавливаю слуг, которые, завидев мое приближение, собираются услужливо отворить мне двери в столовую. Прикрываю глаза и жду несколько секунд, чтобы остановить бьющееся сердце. Переживания сегодняшнего утра не прошли для меня даром.

— Я слышу отзвуки разговора, но расслышать, что именно говорят, не могу.

Наконец, немного успокоившись, я сама толкаю двери и вхожу.

Я вижу Тайдела, который спокойно сидит, положив руки на стол, ладонями вперед. Его длинные серебряные волосы сегодня забраны назад, наподобие того, как делают воины. Он кажется удивительно собранным, словно опасный хищник, который готов сделать решающий бросок.

Здесь явно был какой-то не слишком дружелюбный разговор, который я пропустила.

Тайдел при моем появлении встает и молча наклоняет голову в знак приветствия.

— О, вот и и Анна, — вставая со своего кресла, говорит Каэн. Он подходит ко мне и по хозяйски берет меня за руку. От меня не укрывается взгляд, который он мельком бросает на Тайдела. Взгляд презрения и неприязни.

— Верите теперь, Тайдел? Моя жена совершенно здорова и и можно сказать светится от переполняющей ее жизни. Естественно, ведь она носит под сердцем будущего императора!

Каэн целует мою руку и, подведя меня к столу, сажает рядом с собой, так, чтобы он был между мной и Тайделом. В голову закрадывается странная мысль. Неужели он ревнует? Неужели боится его?

— Я рада вас видеть, — говорю я брату Лилианы, — очень приятно, что вы почтили нас визитом.

— Мне очень приятно видеть вас в добром здравии, — говорит он своим тихим глубоким голосом. Его глаза, так похожие на глаза сестры, словно бы заглядывают мне в самую душу, но я смело выдерживаю этот взгляд, хоть он и волнует и смущает меня одновременно.

— Да, — отвечаю я, — я уже, можно сказать, и забыла о том, что произошло там, на приеме у императора.

— Вы больше не видели этот черный туман? — с тревогой в голосе спрашивает он.

— Разве что самую малость, на самом краю зрения.

Услышав это он хмурится и смотрит на Каэна.

— Вы разрешите мне осмотреть вашу истинную? — спрашивает Тайдел, — я немного больше узнал об этом симптоме и причине, по которой он может возникнуть, и не вдаваясь в лишние подробности, могу сказать, что это может быть довольно опасно в некоторых случаях.

— Ерунда, — отмахивается Каэн, — она же сказала вам уже, что чувствует себя хорошо, неужели вам мало ее слова? — Давайте лучше я покажу вам наш замок.

Голос Каэна звучит добродушно и приветливо. Если бы я не знала его так хорошо, я бы и вправду поверила, что он хочет доставить удовольствие гостю, показав ему замечательный вид, который открывается с башен. Но я знаю, что под внешней вежливостью, Каэн сейчас вне себя от злости. И если бы мог, он бы вышвырнул Тайдела прочь.

Я кладу руку ему на плечо и прошу его:

— Может быть стоит воспользоваться предложением архимагистра? Ведь не каждый день представляется такая возможность.

На этот раз Каэн уже не скрывая раздражения смотрит мне в глаза. На мгновение мне становится очень страшно от его взгляда. Он словно бы спрашивает, как я смею вести себя подобным образом, когда он ясно дал понять Тайделу, что не хочет принимать его предложение. Похоже, он боится, что Тайдел может распознать его затею с нитями в платье, поэтому не хочет подпускать его ко мне. Конечно, его злит, что я словно бы не понимаю этого. Ему кажется, что я противоречу ему из чистой мести.

— Как вы верно заметили, князь, — тихо говорит Тайдел, — ваша жена носит под сердцем будущего императора, поэтому сейчас ее здоровье — это абсолютный приоритет. Это не моя прихоть — это распоряжение светлейшего. Так что мое появление здесь, это, можно сказать, дело государственное.

Я могу поклясться, что слышу, как Каэн скрипит зубами от злости. Он прикрывает глаза, явно пытаюсь смирить разгорающийся в нем гнев. Будь на месте Тайдела кто угодно другой, Каэн бы не сдерживался и давно вышвырнул бы его за наглость.

— Хорошо, — наконец, говорит Каэн, — но осмотр будет происходить при мне.

— Исключено, — говорит Тайдел, — внутри вас очень много активной силы, которая помешает мне. Необходимо оставить нас с Анной наедине.

— Вы думаете, что я просто так позволю...

— Я не хотел прибегать к этому, — перебивает Каэна Тайдел, — но у меня есть бумага от императора, если вам угодно, вы можете ознакомиться.

20

— У вас есть десять минут, — чуть ли ни шипит Каэн на Тайдела, прежде чем покинуть комнату, в которую лично меня отвел.

Тайдел смотрит на Каэна смело и не отводит взгляда. В выражении лица молодого архимагистра нет ни намека на враждебность, или злость. Если он и испытывает какие-то эмоции в этот момент, он не подает виду, мастерски маскируя свои чувства перед моим истинным.

— Хорошо, князь, — наконец, говорит он, как скажете.

— Я буду ждать за дверью, — говорит Каэн, целует мою руку и покидает комнату.

Оставшись наедине с Тайделом, я чувствую странную неловкость, причина которой мне не вполне ясна.

Я и так нечасто остаюсь наедине с посторонними мужчинами, а Тайдел еще и странным образом волнует меня, что кажется мне совсем неуместным, так что. я гоню эти чувства от себя изо всех сил. Взгляд его понимающих глаз словно бы захватывает меня в плен и странный внутренний трепет возникает сам собой, вопреки моему желанию.

Мой бог, я не должна этого испытывать. Чего бы ни произошло между мной и Каэном... Это нехорошо...

— Сядьте, пожалуйста, княгиня, — говорит он мягким голосом и я послушно сажусь.

— Я не хотел, чтобы ваш муж знал, — начинает говорить он, — но для меня очевиден один факт, который крайне тревожит меня.

— О чем вы? — спрашиваю я, чувствуя, как сердце мое начинает биться чаще.

— Кто-то насылает на вас порчу, — говорит он, — и происходит это уже давно.

Я удивленно смотрю на Тайдела, не понимая о чем он говорит.

— Что значит порча? Вы хотите сказать, что...

— Магия, очень плохая магия. Черный туман, о котором вы мне рассказали. Я узнал, что это такое и лично у меня нет ни малейшего сомнения в том, что кто-то специально травил вас очень долгое время, незаметно, по капле, каждый день.

— Травил? — я прикрываю рот рукой, чувствуя, как по спине бегут неприятные марашки.

Тайдел садится напротив меня и жестом просит дать ему руку.

— Давайте проверим.

Я послушно кладу руку на его протянутую ладонь и он одной рукой берет меня за запястье, а пальцами другой, проводит по линиям на ладони.

— Закройте глаза, пожалуйста, — говорит он, — я покажу вам.

Я закрываю глаза и чувствую, как от его руки идет странное тепло, которое вливается в меня.

— Сосредоточьтесь на остатках тумана, если он еще есть. Вы видите его?

— Нет, — говорю я.

— Попробуйте приглядеться.

Я долго сижу с закрытыми глазами, ощущая тепло руки Тайдела и наконец, где-то на самом краю восприятия, я начинаю чувствовать тонкие завихрения черного тумана, который никуда не делся, но лишь затаился в глубине.

— Я вижу его, — говорю я дрожащим голосом.

— Теперь я усилю поток энергии, — говорит Тайдел, — не пугайтесь.

Сразу же после его слов, я начинаю чувствовать, что туман, завивающийся кольцами и спиралями, начинает съеживаться, отступать назад, словно армия, покидающая свои позиции и отступающая в страхе.

— Я чувствую, — шепчу я, — вы подавляете их. Они отступают.

— Лишь на время, — с горечью в голосе говорит он и отпускает мою руку.

Стоит ему сделать это, как я сразу вижу, что они возвращаются на прежние места, раздраженно извиваясь и пульсируя, заполняя чернотой то место, откуда только что отступили.

— Чем больше ослаблен ваш дух, тем проще им завладеть вами. Но вы сильны, как сильна ваша вера, и тот кто затеял недоброе против вас, почти не имеет шансов.

— Вы говорите, почти? — я открываю глаза и смотрю на Тайдела.

— Даже самого сильного человека можно сломать, если применить достаточное усилие.

— Но кто это делает? — спрашиваю я умоляюще.

Тайдел лишь пожимает плечами и вздыхает.

— Если бы я знал, я бы сказал вам. Но это может быть кто угодно.

Нехорошая мысль закрадывается в мое сознание и я спрашиваю шепотом:

— Вы думаете, что это может быть даже кто-то из моих близких? Поэтому вы не хотите говорить Каэну?

— Я не могу даже предположить, для чего бы князю пришла в голову такая безумная идея. Я не хочу говорить ему лишь потому, что он, если сейчас узнает об этом, начнет подозревать всех вокруг, и, учитывая его вспыльчивый характер, может натворить бед. У него немало врагов, и сейчас нам не хватает только междоусобной войны между князьями.

— И вы думаете, я не скажу ему? — спрашиваю я.

— Я надеюсь, что вы не скажете, — отвечает Тайдел внимательно глядя мне в глаза.

— Но как я могу чувствовать себя в безопасности теперь?

— Я кое что дам вам, — говорит он, — постарайтесь никому не говорить, что это.

Он расстегивает ремни на сумке, которую принес с собой, и достает оттуда небольшую коробочку из полированного металла.

— Я изготовил этот артефакт для вас. Он убережет вас от дальнейшего воздействия и с течением времени, все симптомы, что вы испытываете сейчас, сойдут на нет, даже если тот, кто это делает, продолжит насыщать на вас порчу.

Я открываю коробочку и вижу внутри тонкую цепь из серебра с маленьким кулоном в центре которого крошечный голубой камушек.

— Наденьте и старайтесь не снимать, — говорит тайдел, я нарочно постарался сделать эту вещь как можно более неприметной. Но пусть вас не обманывает ее скромный вид. Как только вы наденете ее, вы сразу же почувствуете, как остатки мрака отступают.

— Спасибо, — говорю я и поскорее прячу коробочку в карман, пока нет Каэна. Если он узнает, что Тайдел что-то дал мне, избежать неприятного разговора не удастся.

Стоит мне убрать ее, как в комнату возвращается Каэн. Он бросает подозрительный взгляд на Тайдела и неприязненно шурится.

Тайдел спокойно затягивает ремни на своей сумке, и не обращая внимания на неприязненный взгляд Каэна, добродушно улыбается ему.

— Вы как раз вовремя, князь. На сегодня осмотр закончен, — говорит он и встает со своего места.

— И что вы можете сказать после осмотра? — спрашивает Каэн.

— Насколько я могу судить, никакой угрозы здоровью вашей жены на данный момент нет. Но ее все еще необходимо периодически наблюдать на всякий случай. Так что я к вам еще наведу, с вашего позволения.

Тайдел подходит к Каэну и наклоняет голову.

— А сейчас я вынужден покинуть вас, меня ждет император.

Каэн перестает хмуриться и я чувствую, что он немного расслабляется.

— Как чувствует себя император? — спрашивает он, провожая Тайдела за дверь. Я иду чуть поодаль, слушая их разговор.

— Не могу сказать ничего утешительного, — мрачно говорит Тайдел, — но мы делаем все, чтобы облегчить его страдания. И да, я хотел предупредить вас. Будьте готовы в любой момент явиться в замок. Советую всегда держать пару лошадей наготове. Решающий час может наступить в когда угодно. Император должен успеть передать вам знание о месте своего захоронения, как будущему наместнику.

21

Оставшись наедине в своей комнате, я достаю из кармана артефакт, что вручил мне Тайдел. Холодный металл футляра тут же нагревается от моего прикосновения. Я открываю его и достаю цепочку, после чего сразу же надеваю ее на шею.

Камень в центре едва заметно пульсирует в такт моему собственному сердцебиению, я вижу это, глядя на себя в зеркало. Неприметная маленькая цепочка с крохотным камнем. Вряд ли кто-то заподозрит в ней мощный артефакт архимагистра.

Стоит мне надеть цепь на шею, я тут же чувствую, как остатки черного тумана, которые я не замечала до этого, отступают почти так же стремительно, как они отступали почуяв прикосновение Тайдела.

Трогаю камень руками и чувствую кожей его пульсацию. В это же мгновение я ощущаю, как будто вместе с туманом уходит и часть мрачных мыслей, словно чистый камень не только убирает воздействие порчи, но и вселяет в меня надежду на хорошее и светлое будущее. И хоть разумом я пока не понимаю, как мое будущее, учитывая обстоятельства, может быть хорошим, сердцем я чувствую, что как-то, но все должно наладиться рано или поздно.

— Не видел раньше на тебе это украшение, — говорит Каэн и я вздрагиваю от неожиданности, — не слишком ли оно скромное для будущей матери императора?

— Его подарила мне мать, — вру я, — она сказала, что оно приносит удачу и вселяет надежду.

Я гляжу в зеркало на Каэна, который подходит ко мне сзади и кладет руки на плечи.

— Ты достойно вела себя с этим юнцом, — говорит он удовлетворенно, — я очень рад, что нам удастся обводить их всех вокруг пальца. Не в последнюю очередь благодаря твоей превосходной игре.

Я склоняю голову.

— Это очень опасно, — говорю я, — они могут разоблачить нас и тогда...

— А что ты думаешь будет, если не наш сын будет править? Представь себе, что сделают с нами эти завистливые князья, если им дать безграничную власть. Нас сживут со свету.

— А что сделаешь с ними ты? — спрашиваю я, поднимая взгляд и встречаясь им с холодными глазами моего истинного, — ты-то пожалеешь хоть кого-то из них?

— Я буду действовать справедливо, — тихо и уверенно говорит Каэн.

— Так же справедливо, как ты обошелся со мной? — спрашиваю я, не удержавшись.

Каэн гладит мою шею и я чувствую, как по всему телу пробегают мурашки от его прикосновения.

— Ты самое дорогое, что у меня есть, Анна, ты же знаешь. Все, что я делаю, я делаю ради тебя.

— Даже унижаешь перед своими девками?

— Не начинай снова, — закатывает он глаза, — мы, кажется, уже обсудили этот вопрос. Разве Виктор не объяснил тебе все?

Я только молчу, чтобы Каэн видел, что я не собираюсь подчиняться.

Он качает головой и говорит:

— Похоже, Виктор бесполезен, — говорит Каэн. Думаю, его следует отправить обратно в монастырь. Сегодня я хочу спать в своей постели вместе с тобой, хочешь ты того, или нет и София будет спать с нами. Не вынуждай меня заставлять тебя, милая.

Последние слова он говорит мне на ухо и я чувствую, как его дыхание щекочет меня. Он целует меня в шею и уходит, оставив меня наедине с бушующим внутри огнем ярости и негодования. ,

Я сжимаю в руке кулон, подаренный Тайделом и закрываю глаза, пытаюсь сосредоточиться на пульсации, которую он излучает.

С удивлением для самой себя обнаруживаю, что успокаиваюсь достаточно быстро.

Нужно бежать от него. Нужно все обдумать, вырваться из замка и найти место, где я могу укрыться. Если бы был хоть кто-то, кому я могу довериться в этом

Виктор? Нет, он слишком предан Каэну, несмотря ни на что. Для него Каэн напрямую связан с богом, а против бога Виктор не пойдет, при всей своей симпатии ко мне лично.

Тайдел? При мысли о нем, сердце делает лишний удар, сбивая ритм. Я вспоминаю его взгляд, полный глубины и понимания, несмотря на кажущуюся внешнюю юность брата истинной императора. Да, ему можно было бы довериться. Можно было бы рискнуть. Но для этого нужно дождаться, когда он снова посетит наш замок. Но когда это случится? Если бы только можно было передать ему письмо... Но это слишком рискованно. Слишком опасно. Если Каэн узнает, что я задумала что-то против него. Страшно представить, что он сделает.

Я подхожу к окну и смотрю вдаль, туда, где находится замок императора и вдруг осознаю, что уже начинаю про себя сочинять письмо для Тайдела. Одна часть меня кричит о том, что это предательство, и этого нельзя делать. Но другая, новая часть меня, та часть которая разжигается огнем моего будущего сына, убеждает меня, что я все делаю верно. Эта часть меня готова на что угодно, лишь бы вырваться из этого дома, лишь бы не участвовать в затеях заигравшегося и ослепленного похотью Каэна.

22

Все, чего я желала — это быть угодной богу. Все, о чем я молилась каждый день — это служить моему князю и дать ему наследника. Все, чего я хотела — быть истинной не только по факту связывающей нас метки, но и истинной душой, телом и сердцем.

Кладу руки на живот и мысленно обращаюсь к моему будущему сыну. Моему единственному защитнику, который еще даже не знает об этом. Будущему императору. Поймет ли он меня, когда вырастет? Смогу ли я сказать ему правду о том, что предала его отца, ища спасения?

Вздрагиваю, слыша, как открывается металлический замок. В комнату влетает порыв ветра и вместе с ним смешок Софии, что-то говорящей князю. Она в ночной рубашке с разрезом, почти не скрывающим ее грудь. Длинные тонкие ноги обнажены. Князь держит свою руку на ее талии и что-то говорит ей на ухо.

Мерзавец. Я чувствую, как к горлу подкатывает спазм отчаянной обиды и боли. Я ждала эту ночь, как ночь моей казни. И Каэн не обманул меня, он все-таки притащил ее.

Я кладу руку на грудь, чтобы ощутить пульсацию камешка на моей шее и это чуть успокаивает меня, заставляет меня вернуться в реальность.

Как я переживу эту ночь? Как я смогу сохранить себя после того, на что толкает меня Каэн? Неужели он и правда думает, что я смирюсь?

Едва встретившись со мной взглядом, в тусклом свете свечей и камина, София замирает и останавливается.

— Что же ты, София, — говорит Каэн, улыбаясь, — проходи, видишь, Анна уже ждет нас.

— Простите, князь, — говорит она, и я вижу, что она изо всех сил старается не смотреть мне в глаза, старается, чтобы голос ее не дрогнул.

Я опускаю голову и не двигаюсь с места, продолжая сидеть в кресле. Я не хочу видеть ни его, ни ее. Все, чего я хочу — бежать прямо сейчас.

— Я думал ты нагреешь нам постель, любимая, — слышу я голос Каэна.

Я тщетно пытаюсь подавить дрожь, которая беспощадно бьет меня, словно я стою на ледяном ветру, беззащитная, одинокая, униженная.

Я чувствую, как пальцы Каэна касаются моей руки, сжимающей кулон, подаренный Тайделом.

— Ну что же ты так зажата? Не такого приема я сегодня ожидал. Неужели будущая мать императора не хочет разделить постель со своим мужем? Неужели ты даже не согласишься на меня?

Я поднимаю голову и открываю глаза, снизу вверх глядя на Каэна.

— Ты говорил что любишь меня, Каэн, — говорю я, — если правда любишь, пожалуйста, не заставляй меня делать это.

Каэн садится напротив меня и берет мои руки в свои.

— Пойми же, милая, так нужно. В этом нет ничего унижительного, нет ничего, что не было бы в порядке вещей для дракона.

Я смотрю в его горящие янтарным светом глаза и не узнаю своего Князя.

— Почему ты вдруг стал таким? — спрашиваю я, — неужели ты забыл, как дорожил мной раньше?

— Что толку думать о прошлом, любимая? Нужно двигаться дальше. Навстречу чувствам, навстречу новым вершинам. Я всегда знал, что я выше всех остальных. Знал, что мое призвание — управлять другими, подчинять их своей воле. И что же я за правитель, если моя жена не желает подчиняться? Как я смогу управлять целой империей, если моя жена не понимает меня и не хочет разделить мое счастье?

— Счастье? — спрашиваю я.

— Наследник рожденный в любви будет сильным, яростным, властным и достойно продолжит род. София должна чувствовать эту любовь от меня и в том числе от тебя. Разве ты еще не поняла?

— Так значит я должна любить ее? Этого хочет бог?

— Конечно! — восклицает князь, словно только что я разгадала загадку, которая долго мне не давалась.

— И ты любишь ее? — спрашиваю я, бросая взгляд на Софию, которая робко оглядывается по сторонам, изучая нашу с князем спальню.

— Конечно же! Иначе она не сможет дать мне наследника. Разве ты не читала книг и не знаешь, что написано в них? Никакое семя не приживется без любви. Если я во что и верю, так в это.

Не смотря ни на что, слова Каэна ранят меня так больно, словно я впервые узнаю о его измене. Я то думала, что уже пережила это, что смирилась, что теперь стала сильнее. Но метка яростно тянет меня к Каэну и одновременно терзает меня, заставляя ревновать с безумной силой. Неужели он, как мой истинный, совсем не чувствует мою боль? Что же с ним такое?

— Мне больно, Каэн, — говорю я, — если любишь меня, я прошу еще раз.

Мне уже все равно, что рядом стоит София и слушает как я жалобно прошу Князя не принуждать меня, я чувствую только боль, раздирающую меня яростными когтями. Боль обиды и отчаяния.

— Ты еще будешь благодарна мне за это, — говорит Каэн, — а теперь я хочу, чтобы ты сняла с себя одежду. Открыла себя Софии так же, как открываешь себя мне.

Он поднимает меня на ноги и расстегивает пуговицы на моей ночной сорочке. От его прикосновений к моей коже метка требует подчиниться и делать все, что он хочет. Но дракон внутри меня отчаянно протестует.

— Пожалуйста, — говорю я шепотом.

Каэн наклоняется и целует меня в губы, отчего на одно мгновение разум мой полностью очищается от всего, оставляя место только всепоглощающей любви к истинному. Каэн знает, что нужно делать, чтобы лишить меня воли. Я обмякаю в его объятиях и он подхватывает меня на руки. Я чувствую, как он кладет меня на постель и слышу, как зовет Софию:

— Ложись рядом с ней, милая. Видишь она дрожит, согрей ее.

В голосе Каэна звучит властный приказ. Никто никогда не осмеливался перечить ему.

Я чувствую как София прижимается ко мне своим хрупким телом и целует меня в щеку.

— Так? — спрашивает она князя

Я хочу оттолкнуть ее, но словно парализована властным взглядом моего князя. Я, кажется, впервые чувствую на себе, как он использует свою силу, чтобы подавить мою волю. Я знаю, что он делает это с другими, но он обещал, что никогда не сделает этого со мной. Что между нами все всегда будет только добровольно.

— Ты же обещал, — прорываются слова сквозь обездвиживающую, лишаящую воли пелену, которую накинул на меня Каэн.

— А ты обещала быть верной женой и исполнять все, что велит твой князь, — говорит он серьезно, глядя на то, как его девка обнимает меня, — думаю я могу взять свое обещание назад.

Я чувствую, как пальцы Софии натыкаются на кулон. Стоит ей сделать это, как я на мгновение теряю сознание. В другую секунду она отшатывается от меня, словно ее обожгло.

— Ай! — вскрикивает она, — жжется.

— Что такое? — спрашивает Каэн.

— Князь, простите! — слышу я голос распорядителя из за двери.

— Да какого пекла! — рычит Каэн, и бросив яростный взгляд на Софию, которая сжимает обожженный палец в своей ладони, направляется к двери.

Едва почувствовав, как контроль Каэна ослабевает, я тут же встаю с постели и подхожу к окну.

— Что тебе нужно? — князь рывком распахивает дверь и я вижу бледное лицо распорядителя, трясущегося всем телом.

— Кажется, настал час, прибыл гонец от императора, вам велено срочно явиться во дворец.

23

— Так что же ты стоишь, идиот, вели выводить мою лошадь, я поеду верхом.

— Простите, — мнется распорядитель, не решаясь сказать что-то.

— Что? — рывкает на него Каэн.

— Велено ехать вам и вашей супруге.

Я смотрю, как София медленно поднимается с кровати и подходит к моему истинному.

— Что случилось, милый? — спрашивает она, — зачем он пришел среди ночи?

— Все хорошо, София, — с нежностью в голосе говорит Каэн и сажает ее на нашу кровать, — подожди нас здесь. Возможно, сегодня самая важная ночь в нашей жизни. Молись так крепко, как только умеешь. Кажется, император при смерти.

— Одевайся, — бросает мне князь, — ты знаешь, какое платье надеть. У тебя есть пять минут.

— Но я...

— Быстро! — повышает он на меня голос, отчего сердце мое сжимается от страха и тревоги.

— Зачем им я? — спрашиваю я поспешно снимая сорочку и надевая то самое платье. Мельком бросаю взгляд на себя в зеркало. Волосы растрепаны, в глазах застыли немые слезы, губы потрескались. И в таком виде я предстану перед императором и двором?

— Причуды выжившего из ума старика, — раздраженно бросает себе под нос Каэн, но я слышу его слова.

Неужели он совсем не уважает императора, который всегда ценил Каэна выше остальных? Я заглядываю в глаза Каэна и вижу в них только раздраженное нетерпение. Он словно охотник, который вот вот встретится со своей добычей с глазу на глаз. И кажется, он беспокоится, что встреча эта будет проходить не на его территории и не на его условиях.

— София, — бросает Каэн, — помоги Анне привести себя в порядок, раз слуги не могут дотащить свои ленивые задницы.

— Я справлюсь сама, — говорю я гроче, чем хотела и мой красноречивый взгляд останавливает Софию, уже готовую броситься выполнять приказание князя.

Каэн закатывает глаза, вздыхает и раздраженно подходит ко мне.

— Ты должна будешь сделать все, как в прошлый раз, надеюсь ты понимаешь, сколь многое зависит от тебя, — говорит мне Каэн, раздраженно зашнуровывая шнурки на моем платье, — из за тебя, нам придется ехать в экипаже, это задержит нас. Надеюсь, старик не отдаст богу душу раньше времени.

Я чувствую, как от прикосновения его пальцев к моей спине, драконье тепло в моем животе отзывается, словно бы узнавая своего отца. Если бы Каэн только мог почувствовать своего сына сейчас. Но род Сандерсов всегда ценил лишь силу, поэтому с детства они подавляют чувствительность к магии, чтобы та безумная сила, которой они себя накачивают для боя, не выжгло их восприятие. Каэн хотел быть сильным, а в итоге так слаб, что даже не чувствует своего наследника внутри меня. Какая странная ирония.

Я поворачиваюсь и заглядываю в его глаза.

— Мы можем полететь, — говорю я, не отрывая взгляда от его вертикальных зрачков, горящих красным светом.

— Что за варварство? Что за глупое расточительство? — спрашивает шепотом Каэн, чтобы СОФИЯ НЕ СЛЫШАЛА, и в глазах его плещется презрение вперемешку со злостью на меня, — ты хоть понимаешь, чего стоит перевоплотиться в дракона?

Я прекрасно знаю, чего это стоит, но я не смогла удержаться, чтобы не поставить Каэна в неловкое положение. Он унизил меня, парализовал мою волю, предал и едва не осквернил наше брачное ложе. Я должна была ответить хоть чем-то.

— Почему ты шепчешь, Каэн? — спрашиваю я таким же шепотом, — или ты боишься показать слабость перед своей девкой? Старики уже давно забыли это искусство. Они ходят на своих ногах, как простые люди, десятилетиями не перевоплощаясь в полную форму дракона. Они с юности ни разу этого не делали. С каких пор ты стал таким же, как они? С каких пор перевоплотиться в дракона для тебя тяжело? Может быть все дело в том, что ты тратишь слишком много сил на своих трех девок?

Я знаю, что мои слова попадают в благодатную почву. Я практически слышу, как скрипят зубы Каэна. И вижу по его глазам, что он не готов. Моя маленькая месть была бы сладкой, если бы от ярости и боли, которую сейчас испытывает Каэн, мне была хоть какая-то выгода.

Я чувствую, что ярость моего истинного готова вырваться наружу, вижу как белеют костяшки его пальцев, оттого что он с невероятной силой сжимает свои кулаки. Но вдруг, упрямая складка у него на переносице разглаживается и на лице появляется едва заметная улыбка. Он взял себя в руки, переборол свою ярость.

— Если бы ты знала, о чем говоришь, Анна, — говорит он спокойным голосом. Но я знаю, что за этим спокойствием кроется уязвленная гордость. Его взгляд красноречиво свидетельствует о том, что мне еще придется заплатить за свою дерзость.

Он берет меня за плечо и выводит из комнаты. Я бросаю взгляд назад, на Софию. Она сидит на моей кровати, поджав ноги и смотрит нам вслед. На мгновение, мне кажется, что я вижу в ней что-то еще. Что-то кроме простодушной юности и растерянности.

Черные столбы густого дыма, поднимающиеся вверх на сотни метров, видны в предрассветных сумерках. Они кажутся черными бороздами, рассекающими саму ткань неба на полосы.

— Гони быстрее, — подгоняет Каэн кучера.

— Значит это правда, — говорю я дрожащим голосом, — он и правда умирает.

— Главное, чтобы он успел сказать мне, куда полетит умирать и где намерян закопать чешую, — говорит Каэн сосредоточенно.

Гигантские костры, от которых вверх поднимается черный дым, горят так жарко, что приходится отворачиваться. По всему городу оглушительно звенят колокола, перебивая крик и гомон толпы, сквозь которую мчится наша повозка. Я вижу, как помощники кучера бьют зазевавшихся людей, не успевающих уйти с дороги, длинными кнутами. Я знаю, что впереди дорогу нам расчищает гвардия и отворачиваюсь, увидев тех, кто не успел уйти с дороги.

— Зачем это делать, — шепчу я, вытирая слезы платком, — зачем они убивают людей.

— Князь Сандерс едет! — кричит кучер уже охрипшим голосом, — с дороги!

— Ты что не понимаешь до сих пор? — отстраненно говорит Каэн, — в этой карете едет будущее империи, а ты беспокоишься о какой-то черни, попавшей под горячую руку гвардии.

Я закрываю лицо руками, вокруг меня только крики, запах едкого черного дыма и смерть. Истинный, который, я верила, защитит меня от любых страхов, будет мне опорой и надежной стеной, даже не обращает внимания на мои слезы. Ему все равно и на меня и на этих людей. Он думает только о власти, которая сейчас так близка.

— Приехали, — слышу я его голос и одновременно с этим карета останавливается.

Я открываю глаза и сквозь густой дым, покрывающий все вокруг, вижу очертания роскошного замка императора. Верхние шпили теряются где-то в черном дыму, а неба отсюда вовсе не видно.

24

Стоит открыться двери с моей стороны, я вынуждена достать платок и приложить его ко рту и носу. Черный дым, заполняющий все вокруг такой едкий, что я едва сдерживаю кашель.

— Терпи, Анна, — говорит мне Каэн, — главное, не показывай слабость перед князьями, если они уже успели приехать. Священный дым должно принимать с благоговением и благодарностью.

Он говорит это, словно читает из древней книги, монотонно и нараспев.

На Каэна дым как будто бы совсем не действует и он свободно вдыхает его, не выказывая никакого неудобства.

Ну конечно, он же дракон, иначе и быть не может.

Я оглядываюсь по сторонам и сквозь густой дым вижу множество повозок от других домов. Конечно и Салемс уже здесь. Золотой дракон с изумрудными глазами, изображенный на двери его кареты, сияет так ярко, что пробивается даже сквозь завесу дыма.

Я вижу, как его жена надсадно кашляет, выходя из кареты, а старый дракон пытается заслонить ее своим телом, чтобы этот позор не увидели другие. Но поздно, все уже видели.

Каэн удовлетворенно улыбается и вдыхает дым полной грудью, так, словно это чистейший горный воздух.

— Надеюсь она потеряет сознание, — говорит мне Каэн едва слышно и мы заходим в парадные двери замка императора.

Здесь дышится уже гораздо свободнее и я убираю платок, с неудовольствием отмечая, сколько черной сажи на нем скопилось.

Никогда не думала, что при моей жизни император совершит последний полет. И уж точно не ждала, что буду приглашена во дворец в решающий день. За всю историю такое случилось только трижды и последний раз более двух сотен лет назад, о чем мне рассказывал мой дед, который лично видел издали, как предпоследний император взмывает в небо, прорываясь сквозь клубы черного дыма.

— Он ждет вас, — говорит Тайдел, встречая нас в конце длинного коридора, — следуйте за мной.

Сегодня он одет во все черное, а голова его покрыта капюшоном, как у монахов огнепоклонников. Голос его звучит тихо и скорбно. В глазах его я замечаю какую-то словно бы невысказанную мысль. Он бросает взгляд на кулон, подаренный им и едва заметно кивает. К счастью, этот взгляд ускользает от Каэна. Он смотрит лишь вперед, торопясь побыстрее оказаться в покоях старика.

— Простите, князь, но нам в другую сторону, — мягко направляет Каэна Тайдел.

— Но разве император не в своих покоях? — едва скрывая раздражение на молодого архимагистра, бросает Каэн.

— Он на внутренней площадке, — говорит Тайдел.

— Я не понимаю... Он что, и вправду хочет взлететь на своих крыльях? Но это же безумие!

— Вы сомневаетесь в том, что он способен на это? — в словах Тайдела звучит едва заметная тень насмешки.

— Вы сами говорили мне, архимагистр, что император очень страдает и его часы сочтены. Разве не было бы более разумно, если бы к месту его кто-то доставил.

— У вас есть подходящие кандидаты, которым можно доверять?

— Хотя бы я сам, тем более, что, как я понимаю, в любом случае император должен сообщить мне, где спрячет чешую для наследника.

Тайдел, не отвечая Каэну, распахивает большие черные двери и мы снова попадаем на воздух. На этот раз во внутренний двор замка. В то место, откуда взлетают и куда приземляются драконы. От дыма, который теперь кажется еще гуще, у меня начинает кружиться голова и я хватаюсь за руку Каэна.

— Лучше достаньте платок, княгиня, никто не ждет от вас, что вы сможете переносить священный дым, как драконы, — говорит Тайдел, и я послушно делаю то, что он говорит.

Я оборачиваюсь, и вижу, как за нами идут еще несколько человек. Сегодня император позвал не всех, похоже, предпочтя ограничиться только самыми приближенными князьями. Успеваю заметить, с какой злобой на меня смотрит князь Салемс. Его жена, похоже, решила остаться в карете, или вовсе отправилась домой, в отличие от остальных князей, он вошел во дворец один. Мне страшно представить, насколько, должно быть, неловко он чувствует себя в эту минуту. Остаться одному, без супруги, в один из самых важных моментов жизни.

Каэн даже не скрывает своей улыбки и я вижу как в глубине его драконьих глаз плещется азартный огонь охотника, который чувствует, что добыча вот вот окажется в его руках.

Сперва я замечаю тонкую фигурку Лилианы, одетой в длинное траурное платье черного цвета, расшитое красными нитями, а уже после самого императора. Он, похоже, едва держится на ногах и дрожит всем телом.

— Вы пришли, дорогие мои, — говорит император тяжело дыша, и обводит дюжину князей взглядом, — ну вот и настал час, когда нам нужно попрощаться навсегда. Если бог позволит мне обрести вечную жизнь в своих подземных чертогах, я буду вечно помнить каждого из вас. И конечно тебя, моя истинная.

Император сжимает руку Лилианы.

Я вижу, как от слов императора, по щеке Лилианы стекает слеза, проделывая борозду в тонком слое сажи на ее лице. Она вдыхает дым так же легко, как драконы, или создается ощущение, что так же. Она не смотрит ни на кого, кроме императора. Кажется, что в эту минуту для нее и не существует больше никого, кроме него.

— Может быть лучше... — не выдерживает она.

— Нет, милая, — мягко говорит император, — я должен сделать это так, как завещано. А ты должна принять мое решение.

— Да, повелитель, — говорит Лилиана и склоняет голову.

Император нехотя отпускает ее руку и она отходит в сторону.

— А теперь свершится то, что должно свершиться, — говорит император и воздевает руки к небу.

— Он и правда собирается сделать это, — с досадой говорит Каэн и оттаскивает меня подальше от императора, — старый упрямец.

25

Вокруг императора начинает закручиваться вихрь, поднимая мощный ветер, едва не сбивающий с ног. Слабое старческое тело впитывает в себя густые неосязаемые лоскуты дыма угольно черного цвета, которые щупальцами тянутся к императору, словно послушные его воле. .

Я вижу, как на тонкой, как пергамент, коже его старческих рук проявляются чешуйки, и вместо ногтей вырастают острые блестящие когти промежуточной формы дракона. Император падает на землю и упирается руками в почерневший от сажи и пепла песок. Тонкий крик отчаяния — это кричит Лилиана, которая пытается вырваться из объятий Тайдела и подбежать к своему императору, смешивается с яростным рыком дракона,, от которого все внутри меня содрогается.

— Он не сможет, — с досадой кричит Каэн, перекрикивая поднявшийся ветер, — он слишком слаб. Нужно его остановить!

В эту же минуту, ветер стихает. Кажется, что само время замирает на месте, ожидая, что будет дальше, словно бы затаив дыхание. Я с ужасом смотрю на происходящее нервно сжимая руку Каэна. Неужели император умрет сейчас, не успев перевоплотиться, не успев передать престол?

В следующую секунду император бьет когтистой рукой по земле и одновременно с этим начинает молниеностную трансформацию.

— Не может быть, — шепчет Каэн.

Я с замиранием сердца наблюдаю, как император перевоплощается в огромного черного дракона, каких я никогда в жизни не видела.

Всю площадь оглашает нестерпимо громкий рык. Император расправляет гигантские крылья, чуть не задевая одного из князей, и хлопает ими, поднимая целое море песка и пыли, который тут же смешивается с дымом.

Я оглядываюсь и вижу Лилиану, которая теперь стоит гордо подняв голову и с восторгом и обожанием глядит на своего истинного.

Ошеломленный Каэн с благоговейным трепетом смотрит на императора и преклоняет колено. Один за другим, каждый князь следует его примеру, признавая бесспорное величие своего императора. Сколько из них, еще достаточно не старых драконов, в общем-то полных жизненных сил, смогли бы сейчас повторить подобное?

Огромный черный дракон истинно императорских размеров с ярко горящими зеленым глазами оглядывает всех по очереди, пока не останавливает свой взгляд на моем истинном.

— Каэн Сандерс, — гремит голос императора, — подойди ко мне.

— Настало время, Анна, — читаю я по восторженному взгляду Каэна, который он бросает на меня.

Каэн медленно подходит к императору, из ноздрей которого вырывается густой дым. Одна лишь только его голова, больше Каэна в два раза. Я никогда в жизни не видела императора в форме дракона прежде, и теперь меня попросту ошеломляет этот тридцатиметровый, единственный в своем роде, насколько мне известно, дракон.

Я всегда мечтала увидеть его, даже не надеясь, что когда-то мне посчастливится стать свидетельницей этого чуда, и вот этот день настал.

Когда император открывает драконью пасть, чтобы говорить, я вижу, как в глубине, ярким оранжевым светом словно бы горит уголь, нагнетаемый тысячей кузнечных мехов.

В голове мелькает чудовищная мысль, что одно неловкое движение может стоить моему истинному жизни и я делаю смелый шаг вперед, перебарывая чудовищный страх, который вдруг начал разгораться внутри меня. Это мой страх, или страх моего будущего наследника?

Вдруг император поворачивает голову ко мне и его зеленые глаза пытливо смотрят в мои.

— Ты что же, боишься, девочка? Не стоит, я не могу причинить боль матери, или отцу своего будущего наследника.

От дыхания дракона меня обдаёт волной нестерпимого жара. Какая же чудовищная сила скрыта внутри него. Такое дыхание может превращать камни в воду и моментально испарять ее, оставляя только пыль.

Нет. Я не боюсь. Я знаю своего императора.

Словно прочитав мои мысли, он удовлетворенно кивает.

— Ты хорошая девочка. Я знаю, что сделал правильный выбор.

Он переводит взгляд на Каэна:

— А вот тебе, мой юный дракон, еще только предстоит пройти путь, который превратит твое сердце в золото, как сердце твоей истинной. И этот путь будет тяжелым.

О чем он говорит? Неужели он... Неужели он прорицает?

— Я готов пройти любой путь, лишь бы стать достойным занимать ваше место, — смело говорит Каэн.

— Мне нравится твое рвение, юный дракон, и я рад, что ты еще не знаешь, что тебе предстоит.

— Я не обману ваше доверие, император! — кричит Каэн, — я буду хранить тайну, в которую вы меня посвятите, и мой наследник станет вашим наследником. Я обещаю вам!

— У меня нет сомнений в этом, именно поэтому я выбрал тебя.

— Я готов!

— Но тайна не будет сообщена тебе, Каэн Сандерс. Я никогда и не собирался сообщать ее тебе.

— Но вы же говорили... Вы что же, получается, решили назначить другого наследника?

— Нет, — говорит император, — тайна будет сообщена только твоей истинной. Только она увидит место моей гибели. Только она будет свидетельницей того, как я уйду в землю. Только она сохранит эту тайну и пронесет через время, пока не настанет час откопать мою чешую.

Дракон вытягивает исполинскую лапу, и касается огромными когтями земли возле моих ног.

— Ты полетишь со мной, дитя, полетишь в мой последний полет.

26

Каэн

Едва я слышу слова императора, внутри меня все холодеет.

Анна, подняв голову вверх, смело заглядывает в глаза исполинского дракона-императора. Жаркий воздух, вырывающийся из его пасти, когда он говорит, словно бы не причиняет ей вреда. Но я знаю, каково должно быть незащищенному человеку от такого жара.

Как же хорошо она держится, как красива она в эту минуту. Но судя по ее лицу, она совсем не представляет, что ее ждет. Это надо остановить немедленно! Император обезумел!

Все идет не так, как я планировал, этого нельзя допустить. Если Анна сейчас отправится с императором, она точно погибнет. Ведь в ней нет силы наследника, а значит, она не сможет пережить то, что ей предстоит.

— Нет! — вырывается у меня невольный возглас.

— Нет? — спрашивает император, переводя взгляд с моей истинной на меня. — У тебя есть какие-то возражения, юный дракон?

— Позвольте мне отправиться с вами, — стараюсь держать голос как можно ровнее, прошу я императора.

— Чего ты боишься? — спрашивает он, подозрительно прищуриваясь.

— Я... Это слишком опасно, на кону стоит слишком многое, повелитель, что если она не найдет обратную дорогу?

— Ты не веришь в нашего бога? — спрашивает император. — Разве ты не знаешь, какой принят порядок наследования? Разве не читал ты в летописях, как Дариан унес Сандру и показал ей чешую? Она справилась и дала этому миру моего прадеда. Так же твоя истинная. Она совершит этот подвиг и вернется неся в себе не только наследника, но и знание.

Я оглядываюсь по сторонам и в лицо мне бросается довольная ухмылка князя Салемса. Он, стоя в одиночестве, поодаль от всех, кажется совершенно счастливым.

Стискиваю зубы и отвечаю так, чтобы никто не заподозрил, какая буря сейчас бушует в моей душе:

— Я чту нашего бога больше, чем кто-либо, как и моя супруга. Но как муж и как отец будущего наследника я беспокоюсь о безопасности...

— Бог хранит твою истинную, он подарил ей чудо — твоего будущего наследника и будущего наследника всей империи. Твоя истинная сможет преодолеть все и вернется целой и невредимой. Если же нет, то наследник будет выбран советом князей. Такова моя воля и такова воля нашего бога.

— Но...

— Не спорь, — в голосе императора на этот раз звучит нетерпение и усталость. — У меня мало времени, Каэн. Попрощайся с супругой и молись, чтобы все прошло благополучно.

Нет.

Этого не может произойти. Должен быть какой-то выход. Волна страшного беспокойства, невиданного до этого момента за всю мою жизнь, прокатывается в моей душе. Я смотрю на свою хрупкую истинную и теперь по-настоящему осознаю, что могу потерять ее. Неужели то, что я затеял было чудовищной ошибкой, которая теперь убьет мою любимую?

Она не знает, что ей предстоит и спокойно ждет той минуты, когда ей будет позволено взойти на спину огромного дракона. Бедная моя Анна. Неужели она сгинет в горах, навеки похоронив тайну местонахождения императорской чешуи?

Господи, что я наделал?

Я подхожу к Анне, и заключаю ее в объятия. Несмотря на то, что внешне она спокойна, я чувствую ее дрожь. Она обнимает меня в ответ, но словно бы нехотя, как будто в ее руках нет силы, или она попросту не хочет обнять меня...

— Прости, — шепчу я ей на ухо, — я не знал, что все так обернется.

— Не бойся за меня, каэн, — я вернусь.

От этих слов Анны я чувствую такую нежность к своей истинной, что острое чувство вины пронзает меня нестерпимой болью прямо в сердце. Она не понимает, что ее ждет. Она не понимает, что только сила дракона могла бы спасти ее. Какая она храбрая, какая сильная в эту минуту.

И теперь я теряю ее. Нет, нет, нет. Должен быть какой-то выход.

Но выхода нет.

Чувствую, как она отстраняется и заглядывает мне в глаза. В них полыхает уверенность и спокойствие, которой я никогда не видел раньше. Неужели ее вера так сильна? Откуда в ней это?

— Я совершил ошибку, говорю я ей и целую ее руку.

— Все что сделано, уже история, Каэн, ничего не вернуть, — говорит она отстраненно.

— Я скажу ему правду, я скажу, что наследника нет, нельзя допустить, чтобы ты полетела с ним, — говорю я отчаянно, пытаюсь перекрыть поднявшийся яростный ветер, бросающий мне в лицо черный песок.

Меня уже не волнует, что эти слова могут услышать другие. Безумное отчаяние охватывает мое сердце и чем больше я смотрю в глаза Анне, тем страшнее мне становится.

Она приближается ко мне и целует меня в губы.

— Ты это выбрал, Каэн, теперь тебе остается только молиться.

Она отпускает мою руку и смело идет к императору. Я вижу, как ее платье развевается на ветру, и мне мерещатся похоронные флаги.

Цепляясь за выступы на подставленной исполинской лапе, она уверенно карабкается вверх по телу дракона.

Я закрываю глаза и падаю на колени.

Я совершил ошибку, я потерял все.

Слышу, как огромные крылья начинают хлопать и поднимаю лицо вверх. Крошечная фигурка моей Анны виднеется где-то за головой императора. Я не могу разглядеть ее лица...

Только бы увидеть ее лицо. Пожалуйста...

Я встаю на ноги и начинаю набирать силу. Плевать на все, я полечу за ними. Я не могу допустить, чтобы она погибла.

И тут я чувствую чью-то руку на своем плече.

— Успокойтесь, князь, — слышу я голос Тайдела, — вам не позволят взлететь. Пусть все идет своим чередом.

Я пытаюсь скинуть его руку, но следующие его слова меня останавливают.

— Если вы это сделаете, князя уничтожат вас. Они только и ждут этого.

Я в ужасе смотрю на то, как исполинский дракон-император уносит мою истинную, взмахивая крыльями, все выше и выше. Его черное тело смешивается с густым черным дымом, заволакивающим все небо. И в эту минуту оглушительный рев труб разрывает пространство.

Если я что-то и мог сделать, то теперь уже поздно.

Трубы стихают и тишина, которая наступает за этим, оглушительно звучит в моей голове, как безмолвие неумолимого рока.

Что я наделал?

— Не переживайте вы так, князь, — слышу я нарочито сладкий голос Салемса, — я уверен, ваша истинная скоро вернется, ведь она носит наследника под сердцем, он придаст ей сил и не даст погибнуть. Не так ли, архимагистр Тайдел?

27

Анна

Я чувствую, как острые края чешуи на теле императора режут мои руки, оставляя глубокие порезы, но не обращаю внимания. Все о чем я думаю — это карабкаться вверх, не оглядываясь, не задерживая мысль на том, что оставляю позади.

Дым разъедает мои глаза, из которых сами собой катятся слезы, и я не вижу, а скорее чувствую, куда мне нужно карабкаться, откуда-то точно зная, куда поставить руку, или ногу в следующий момент, чтобы не сорваться вниз.

Да поможет мне бог-дракон. Да поможет мне мой наследник.

Мощное дыхание исполинского дракона ощущается под моими пальцами, словно сама земля дрожит, предвкушая неизбежную катастрофу. Я чувствую, как десятки глаз обращены сейчас на меня. В том числе глаза моего истинного. Он уверен, что я погибну. Я видела в его взгляде тот самый ужас, с которым смотрят на того, кому суждено погибнуть. Такой взгляд не спутать ни с чем. Что он чувствует с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.